

№ 14—15 1944 год

Славный подвиг совершил украинский колхозник Григорий Иванович Помтик: он провел наших наступающих бойцов через немецкое минное поле и вывел к удобной переправе через реку. Григорий Иванович награжден медалью «За боевые заслуги» (см. в номере «Колхозник-патриот»).

Фото Г. Зельмы

ХУДОЖНИКИ—ФРОНТОВИКИ

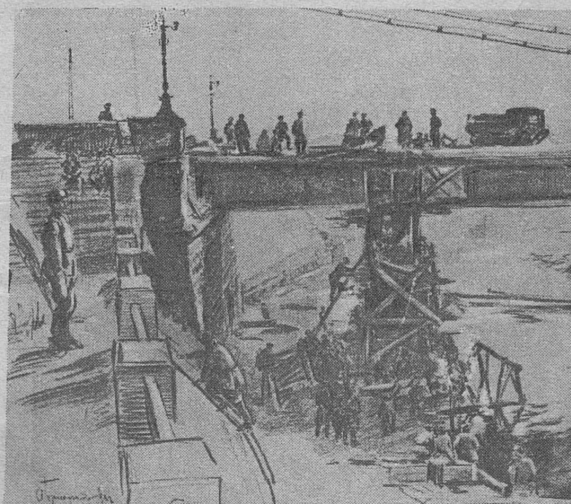
Г. Храпак. «По большаку»

Н. Соколов. «Партизанская деревня».

лауреат Сталинской премии Н. Жуков. «Партизанский табачёк».

А. Горленко. «Восстановление моста».

Студия, носящая имя популярного советского баталиста М. Б. Грекова, организована за несколько лет до войны.

Среди студийцев есть сложившиеся художники, не раз показывавшие свои работы на московских выставках. Это скульптор Е. Вучетич, И. Лукомский, П. Кирпичёв. Для этих художников период Отечественной войны — пора их творческой зрелости.

Большинство художников студии — молодёжь, окончившая художественные вузы, или самоучки, имеющие скромную подготовку районной студии. На фронте они получили боевое крещение и выросли в воинов и как художники. Кубанец Геннадий Прокопинский участвовал в операциях по сированию Днепра, прошёл незабываемый путь Сталинграда до Украины, был трижды ранен. Его зарисовки очень интересны.

Живя бок о бок с красноармейцами, художники полюбили их быт, какой-то особый уют в блиндажике, крепкий солдатский юмор в мимолетном броске. Бытовых набросков на выставках работ студийцев много, и часто они очень хороши. Н. Жуков, Б. Неменский и другие создали ряд бытовых зарисовок, равнохарактерных по стилю исполнения, но объединённых внутренней силой. Этот стержень — активная любовь к родному солдату, его мужественному открытому характеру; в тяжёлых условиях фронта он умеет находить юмор и чудесную, закалённую в боях, фронтową дружбу человечность.

Пейзаж для художника-фронтовика — особый жанр. Это тоже летопись войны, немецких и бесчинств на нашей земле, героизм защитников родины.

В зарисовках художников возникают жёсткие улицы Харькова (рисунки С. Т. безмятежная на вид, но тающая смерть в глазах «Партизанская деревня» (очень хороши рисунки Н. Соколова), улицы блокированного Ленинграда (рис. А. Павлова).

Наталья Со

П. Кирпичёв. «Тамань. Провод».

В ОСВОБОЖДЕННОЙ ЯЛТЕ. Разрушенный немцами Морской вокзал.

Фото П. Трошкина

Картина под крылом самолёта изменилась с такой стремительностью, словно мы только что перевалили через вершину хребта. Но внизу по-прежнему расстилалась равнина и нигде не было видно ни единого холмика. И всё же под нами была другая земля. Сейчас со всех сторон её теснила вода, и, казалось, мы летим над весенним разливом большой реки, далеко выплеснувшейся из своих берегов. Бледноголубые и зеленоватые тени пробегали по её неподвижной глади. Мы вывели в её зеркале сверкающее солнце юга, лёгкие облака, повисшие в весеннем небе. Это был Сиваш.

Под нами начиналась земля Крыма. Яркий свет заливал её зелёные пашни, жёлтые запущенные поля, среди которых пролегла прямая белая полоса дороги. Над ней клубилась пыль, поднятая автомобилями. Вдали мелькнули белые стены и красноватые кровли домов.

Крым мы видели ранним утром из окна скорого поезда, который мчался по степным просторам северной части полуострова. Почти три года прошло

В К Р Ы М У

В. Антонов

с того дня, когда последний экспресс с шумной толпой курортников пересёк эту землю. Сейчас по дорогам Крыма двигалась армия наступления: танки прорыва, тяжёлые осадные пушки, машины с хлебом и снарядами. Звонкие, высушенные дороги заполнили солдаты Перекопа и Керчи.

Военная дорога, как морская вода, принимает все краски, все оттенки сегодняшнего дня. За много километров до линии боя вы узнаете его результаты, не останавливая своей машины, не задавая ни одного вопроса. Над землёй Крыма сегодня незримо царит дух победы. Он заметен в повышенном ритме мчащихся автоколонн, на лицах солдат, уже идущих не первый десяток километров, но неизменно с песней и шуткой, обнаруживается в счастливой сутолоке, с которой вас встречают в любой деревне, наконец,

чувствуется в оглушительном рёве советских самолётов.

Впереди в клубах пыли возникает нестройная ватага людей, шагающих по обочине шоссе. Из неё выдвигаются двое — немец Альфред Мантель и румын Григор Дерма. Оба сносно объясняются по-русски.

— Мы пленные, — перебивая друг друга, кричат добровольные переводчики.

— Ну что, Антонеску, навоевался? — шутит проходящий мимо пехотинец.

Наши солдаты всех румын зовут Антонеску, и румыны охотно отзываются на эту кличку.

— Антонеску капут, — отвечает кто-то из толпы пленных.

— Капут, — повторяют хором румыны и кивают головами в больших, словно капустный лист, беретах.

— Мы не хотели войны, — торопливо лопочет Григор Дерма, — немцы нас заставили...

— Никто вас не заставлял, — сердито возражает Мантель. — Ваш Антонеску сам пошёл в Россию...

— Нет, это ваш Гитлер...

— Нет, ваш Антонеску...

Ещё минута — и бывшие союзники по разбою кинутся друг на друга.

Через несколько километров мы встречаем вторую группу пленных. Большую партию немцев плотным кольцом окружают румынские солдаты.

— Это фриц, дрянй! — кричат румыны и тычут пальцем в сторону немцев.

Пленные румыны ведут пленных немцев. Таковы картины сегодняшнего Крыма. Пленные бредут и сами — в одиночку и группами. На контрольно-пропускном пункте я видел, как солдаты горно-стрелковой румынской дивизии «голосовали» проходящим машинам, горячо объясняя, что им надо скорее к коменданту...

Они очень торопятся в плен. Они стремятся как можно скорее уйти от

В АЛУШТЕ. Немецко-румынские захватчики панически бежали из города. Все улицы загромождены брошенными повозками, машинами, трупами лошадей.

линии огня, бредут по всем дорогам и тропам, спускаются с гор, выходят из лесов. В одной из деревушек я услышал пронзительный крик. Это кричали ребятишки, увидевшие, как из-под копын выползал солдат в берете. Румын улыбался и помахивал заштопанным носовым платком. Шофёр порожнего грузовика на очередном привале обнаружил у себя в кузове двух румын, незаметно вскопавших ночью в его машину, чтобы скорее оказаться в далёком тылу.

Особенно много пленных на дорогах южного берега. Их встречают почти на каждом километре пути. Крикливые, шумные, они проклинают своего Антонеску, немцев и Гитлера.

***

Мы помним непередаваемую красоту южного берега Крыма, его ослепительные краски, тонкие зелёные иглы кипарисов, синий шёлк неба, весёлую игру гудронного шоссе, бегущего с холма на холм, прячущегося за скалы, кружевную пену прибоя, мягкий аромат воздуха, черноту туч на вершине Романкоша и Ай-Петри, на дорогах смех и песни.

Таким жил в наших сердцах Крым все эти долгие месяцы войны. Залитый солнцем, вставал он перед нами, когда мы были на Волге, на Дону, в болотах Белоруссии, у развалин Ржева. С первого взгляда, издали он кажется таким же, каким мы его оставили. Вечное море катит свою волну на серую гальку, та же глубина неба, так же стройны кипарисы. Поперекнему среди зелени белеют стены дворцов, домов отдыха и санаториев. Но подойдём ближе. Не весёлые автобусы Союзтранса, а тяжёлые грузовики мчатся по шоссе. Под кипарисами среди обломков повозок лежат мёртвые лошади. Чёрные крупные люди пудят над трупами. Ранцы, записные книжки, порнографические карточки, неотправленные письма, крикливые этикетки сигарет, пустые

бутылки, каски, пилотки, пёстрый хлам окружают трупы убитых немцев и румын. На крутом изгибе дороги стоят пушки, мёртвые, как и солдаты. Свол одной из них расщеплен и похож на только что распустившийся бутон. Пушки и мертвецы лежат и у самой воды, на берегу, опутанном колючей проволокой.

Ялта была второй столицей Крыма и лучшим его украшением. Знакомая дорога снова приводит нас в Ялту. Извилистый спуск, тесная приморская улица упирается в здание Морского вокзала. Невольно охватывает горестное оцепенение. Развалины громоздятся там, где возвышались светлые стены вокзала. Рваная полоса бетона видна там, где причаливали теплоходы. Знакомый парк чернеет корявыми пнями. Это—всё, что осталось от благородных ялтинских магнолий. Пустой порт перегорожен пловучей цепью. Нам объяснили, что немцы жили в постоянном трепете перед нашим десантом и неуспешно стерегли морской берег. У дальнего конца набережной из воды выступает ржавый корпус затопленной, перевернувшейся вверх дном, румынской баржи.

Вот здесь нас высаживал когда-то союзтрансковский автобус. Дом, у которого он останавливался, смотрит на нас пустыми, тёмными окнами. Вдоль набережной когда-то теснились магазины, кафе, киоски с водой, ларьки продавцов незатейливых сувениров. От всего этого остались одни стены, битое стекло, почерневший кирпич и глыбы бетона. Вся набережная — сплошные руины, чёрные от копоти, пыльные от извести.

Улица пустыня. Десятка два людей толпятся около советского грузовика, на крыше которого играет патефон. Молча слушают люди музыку, улыбаются, потом плачут. Горечь прошлого слишком велика, чтобы её можно было сразу забыть.

В Ялте пышный расцвет весны. Деревья охвачены праздничным цве-

В СИМФЕРОПОЛЕ. Столица Советского Крыма очищена от немецких оккупантов. Поспешно отступая под натиском наших войск, гитлеровцы не успели разрушить и сжечь город.

Фото М. Калашникова

тением. Но странным кажется их розовый, золотой пух здесь, где мёртвый камень, поваленные решётки, сорванные калитки, раздавленная мебель.

На дорогах мелькают немецкие таблички. На каждой из них ненавистное слово «Ферботен» — «Запрещается». Всё запрещалось русскому человеку на родной русской земле: пользоваться её плодами, есть виноград, курить табак, даже купаться в море. Все богатства Крыма шли в немецко-румынскую утробу. Каждый клочок земли сторожил надсмотрщик. Специальные сельскохозяйственные военные команды «вики» выкачивали из Крыма всё, что могли.

На одной из дорог мы встретили группу людей, спускавшихся с гор с красным знаменем, с песней, вольно и

сильно гремевшей под праздничным солнцем. Это были партизаны, впервые свободно и не таясь выходявшие на тёплый гудрон шоссе. Немцы не смогли покорить крымские скалы и в лесах мужественно несли бремя жестокой борьбы. Ни на один день не утихла в Крыму партизанская война. Силу партизанских ударов оккупанты особенно почувствовали в дни нашего наступления.

Стремительный натиск частей Красной Армии, отвага партизан помешали противнику полностью разрушить Крым. Благодаря этому многое уцелело на его чудесной земле, и скоро снова он будет во всём блеске слушать советскому народу.

Крым.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАРТИЗАН. Народные мстители активно помогали Красной Армии в очищении Крыма от немцев. Они перерезали вражеским войскам пути отхода, нападали на разрозненные группы убежавших гитлеровцев, взрывали и пускали под откос немецкие эшелоны. Вместе с нашими частями партизаны вступили в освобождённые города. На снимке слева: население Бахчисарая восторженно приветствует бойцов партизанского отряда. На снимке справа: группа партизан на улицах Симферополя.

Фото М. Калашникова

«КОЛЛЕГИ»

Е. Величко

Рассказ

Рисунки А. Житомырского.

Сознание прояснилось медленно. Острый холод пронизывал тело. С грудом Андрей Пермяков приоткрыл запыливший глаз. Было темно, только где-то наверху чуть брезжил слабый свет. Ритмичный шум в ушах усилился. «Что это? — подумал Пермяков. — Да, электростанция... Или это кровь гудит в голове?»

Стиснув зубы от боли, он приподнялся на локтях. Ноги лежали мёртвыми колодами. «Неужели кости перебиты? — испугался он и тут же усмехнулся: — Теперь уж всё равно. Но всё-таки что же произошло?»

Проводив их группу до рубежа партизанского района, командир сказал:

— Не горячитесь. Если трудно, лучше отложить на время.

— Всё следаю и вернусь, — уверенно ответил Пермяков.

И вот теперь он не вернётся...

...Они долго плыли в ледяной воде, толкая перед собой плот с взрывчаткой. На берегу вполголоса переключались немецкие часовые. Сверху сыпалась мелкая водяная пыль. Тихо плескались волны в невидимые берега. Люди вслушивались в мерный шум машин электростанции: он один указывал, где нужно пристать, чтобы не проскочить мимо низкого длинного здания. Вонючий торфяной дым прижимался к воде, першило в горле.

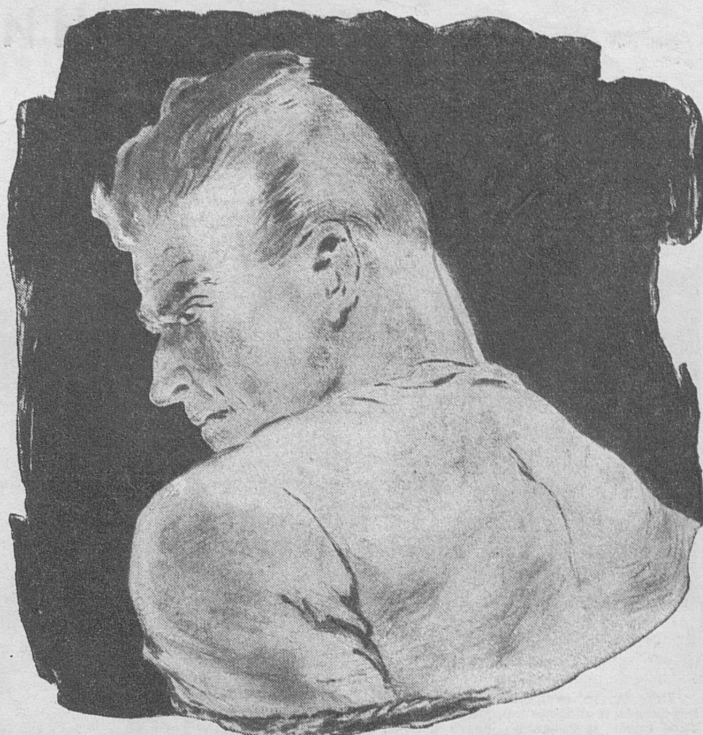
Пятеро вышли на берег и спрятались за штабелями торфа, шестой остался внизу. Мимо прошёл часовой, протяжно зевая. Ботинки его сочно чавкали по грязи. Двое рухнули на часового — он успел только глухо охнуть.

Андрей с остальными подтащил ящики к стене здания, тёплой, подрагивающей от оборотов маховика; вставил детонатор. И в этот миг по нему скользнул луч света. На Пермякова навалились немцы. Рядом стреляли, шумно боролись. Свободной рукой он выхватил гранату и протянул к детонатору, но её вырвали и отшвырнули; она разорвалась в воздухе.

Потом его долго втаптывали в полужидкое торфяное месиво, выкручивали руки, ноги, наконец связали. На связанного уселись трое, били чем-то твёрдым при каждой попытке шевельнуться, пересмеивались и разговаривали о каком-то Гальске, который «будет доволен». Они курили; горячий пепел упал Пермякову на шею; затем о то же место погасили окурок. Голос из темноты скомандовал по-немецки:

— Пленных в город!

Его швырнули на мокрую платформу грузовика вслед за другими. Долго везли по избитой дороге. Кроме него было ещё двое, молодые ребята.

«Для психического допроса», — усмехнулся Пермяков про себя.

Они тоже не знали: убиты остальные или им удалось скрыться.

Потом, лёжа на холодном цементном полу, они тихо разговаривали. Обо всём, кроме того, что их ждёт. Утром их стали уводить поодиночке, сначала тех ребят. Одного часов через пять втащили обратно, мокрого, словно выкупанного в крови. Парень стонал в бреду, просил пить, а потом затих и вытянулся.

К вечеру пришли за Пермяковым. Ноги Андрея затекли от веревок, и его волокли под руки по тёмным коридорам. Втолкнули в комнату. То было странное помещение. Длинная, узкая, без единого окна, затянута от пола до потолка чёрным, комната была совершенно пуста. Стены опоясывала светлая кайма; на потолке скрючилась пауком свастика в белом круге; рассеянный свет исходил от невидимых источников.

Пермякова оставили одного. В дальнем конце слабо вспыхнула лампа под глубоким абажуром, озарив стол и повисшую над ним во мраке голову, уродливую, мертвенно бледную, словно отрезанную ослепительной полоской воротничка. За ней, на чёрной стене, тускло заблестела зловещая эмблема: узкие крылья орла и череп, осклизший зубы над скрещёнными костями.

«Для психического допроса, — усмехнулся Пермяков про себя. — Приспособили под камеру следователя рентгеновский кабинет».

«Голова» пошевелила веками, показав признаки жизни. Длинный, острый нос устремился к нему.

— Партизанский начальник Андрей Пермяков? — спросил глухой голос с сильным нерусским акцентом.

Пермяков вздрогнул от неожиданности, но ответил:

— Нет.

— Напрасно не сознаётся. Вот ваши документы.

Из мрака возникла рука, державшая фотографию жены и дочери Пермякова, надписанную на обороте, и носовой платок с вышитыми Ольгой его инициалами, — две вещи, с кото-

рыми Андрей никогда не расставался.

— Это не мои вещи, — равнодушно сказал он.

— Ваши партизаны всё рассказали, — бесстрастно продолжала голова. — Не имеет смысла отпираться.

Пермяков промолчал, чувствуя провокацию.

— Итак, вы начальник партизан, Пермяков?

— Нет.

— Чтобы убедить вас, что вы опознаны, я представлю новые доказательства. Я терпелив.

Вошёл офицер. Голова сказала по-немецки:

— Приведите мальчишку.

Через минуту в комнату ввели мальчишку. Пермяков сразу узнал его: это он принёс партизанам известие, что немцы восстановили электростанцию.

Офицер по знаку руки остался в комнате.

— Мальчик, ты был у партизан и видел этого мужчину. Как его называли?

Ребёнок переводил испуганные глаза с головы на Пермякова. Он тоже узнал партизана, но ответил:

— Я его не видел.

— Врёшь! — крикнула голова.

Офицер сжал мальчику плечо.

— Мальчик, — продолжала голова, — если ты скажешь правду, мы сразу отпустим тебя к маме, дадим еды и лекарства для неё. Если же не скажешь правды, то лейтенант сейчас убьёт тебя. Я считаю три раза.

Офицер приставил пистолет к виску ребёнка. Мальчик судорожно проглотил слюну.

— Убивай! — выкрикнул он вдруг звонким детским голосом. — Убивай, всё равно ничего не знаю!

— Раз! Помни: или до ночи ты будешь дома или через минуту в могиле. Там темно и холодно, там лежат другие трупы. Ты никогда не увидишь больше солнца и травы, никогда не искупаешься в прозрачной речке. Ни-ког-да.

Мальчик молчал.

— Два! — квакнула голова.

Голова пошевелила веками, показав признаки жизни.

Передовые отряды наших войск ворвались в занятое немцами украинское село и потянули ватагу к реке. К командиру части подошёл 73-летний колхозник Григорий Иванович Помпик и предупредил, что подступы к реке заминированы немцами. Он взялся провести наших бойцов к удобной переправе и указать проходы в минных полях.

Бодро шагая впереди отряда, Григорий Иванович благополучно провёл

советских бойцов через опасную зону и помог им переправиться через реку (снимок сверху, слева).

Тут же на поле боя колхозник-патриот был награждён медалью «За боевые заслуги» (снимок сверху, справа).

Односельчане горячо поздравляли Григория Ивановича с заслуженной наградой (снимок внизу).

Через секунду мальчик будет мёртв.

— Отпустите ребёнка, — глухо сказал Пермяков.

— Мальчишка больше не нужен, — махнула рука. — Убраты!

Офицер вывел мальчика. В коридоре раздался страшный вопль.

— Что вы сделали с ним?! — крикнул Андрей, порывавшись к двери.

— Спокойно! — Над столом поднялось дуло пистолета. — Теперь мы с вами можем говорить.

— Нам не о чём говорить.

— Напротив, есть о чём... Вы учёный, имеете степень доктора биологии. Я тоже доктор, но философии. Мы почти коллеги и побеседуем как коллеги.

«Откуда он знает эти подробности обо мне?» — подумал Пермяков.

— Мы, немцы, цивилизованная нация, — продолжала голова, — и мы приветствуем цивилизацию у всех народов. Нам странно видеть поэтому, что такие люди, как вы, высокообразованные, варварскими и недостойными методами сопротивляются нам. Как человек просвещённый, вы должны понимать, что сила на нашей стороне и сопротивление бесполезно. Вы видите, я выбираю мягкие выражения.

Голова помолчала, но Пермяков не издал ни звука.

— Понимаю. Давайте говорить конкретнее. Мы можем очень щедро оплатить ваш талант, наши интеллигенты примут вас как равного по образованию. Мы не будем упрекать вас в той ошибке, которую вы совер-

шили, взяв в руки оружие. Чтобы получить всё это, вам стоит сказать только одно слово. Вы имеете большой авторитет у ваших крестьян, они питают к вам доверие. Поэтому наше с вами сотрудничество было бы полезно и для вас и для нас. Скажите, что вам нужно за эту услугу нам? Мы возвратим вам семью.

Голова снова помолчала.

— Вы не отвечаете? Это невежливо.

— Мне нечем ответить. Ответом могли бы быть только пули или пощёчина.

— Вы слишком горячитесь. Вы ещё молоды, я в ваши годы был только студентом... Думаю, не нужно предупреждать о последствиях отказа?

— Не нужно.

Пермяков отвернулся к двери. Кровь жаркими волнами била в виски. «Выдержу ли? — подумал он. — Только бы выдержать!»

— Подумайте, — сказала голова с тихим кваканьем. — Быть засолённым живём без кожи в бочке или снова соединиться со своей семьёй.

— Вы действительно специалист в философии! — иронически заметил Пермяков, и то, что он ещё чувствовал юмор, вселило в него успокоение.

Голова бешено дёрнулась, но через секунду веки снова опустились.

— Пока вы примете решение, сообщите, сколько у вас, в вашем районе, осталось вооружённых крестьян.

— Не знаю.

— Не прикидывайтесь. Так отвечают женщины или ребёнок... Сколько? — Сосчитайте, если можете.

— Говорите! — крикнула голова, выкатывая тусклые глаза.

Остальное Пермяков вспоминал смутно. Голова спрашивала что-то ещё, он не слушал. Вдруг ввалились пьяные солдаты, вооружённые резиновыми жгутами и дубинками. Его согнули, поставили на четвереньки и начали бить... Удары пронизывали позвоночник, как раскалённые иглы. Но уже после первых ударов Пермяков ощутил какую-то страшную силу сопротивления, уверенность в себе и готовность вынести самые ужасные пытки. Он почувствовал, что ненависть, пылающая в душе, сильнее телесных страданий.

Потом его ещё два раза таскали на допрос и пытали. Финал был близок. Но не так думал Пермяков умереть. Вернее, он вовсе не думал о смерти. Он хотел жить, жить, дыша полной грудью, делать то, что наполняло его жизнь глубоким и радостным удовлетворением.

Дверь камеры завизжала.

— Ещё не сдох? — спросил грубый голос, и носок сапога ударил Пермякова в бок. — Тащите, пока его ещё можно вешать, к вечеру он окажурится.

Пермякова за ноги выволокли в коридор и на улицу. Единственным открывшимся глазом он успел охватить площадь, деревья с трепещущими листьями, смолистую яркожёлтую перекладину виселицы.

От боли, от ударов головой о камни Пермяков потерял сознание. В миг, когда гасла последняя искра света, ему почудились выстрелы...

— Жив? — услышал он далёкий, но знакомый голос.

Серая пелена раздёрнулась. В узкой щели света он увидел склонившееся над ним лицо.

— Друг! — прошептал Пермяков одним губами. — Ты?

— Лежи, лежи!

Некоторое время Андрей ощущал покачивание носилок, потом мысли его начали путаться, как ветви лесной чащи, окружавшей его. Стемнело или закрылся глаз? А там что? А-а, это смерть! Она не хочет уступить добычу!

Смерть была головой в тёмной пустоте. Она скалила зубы и квакала: «Раз!.. Два!..» Пермяков знал, что если голова скажет: «Три!» — он умрёт. Он ждал рокового слова, как оглушительного взрыва фугаса, не спуская с головы глаз. В этом было спасение, и она, злобно зашипев, начала летать вокруг всё быстрее, так, что в чёрном пространстве возникла белая траурная кайма. Нужно было успевать поворачиваться. Затем круг становился прозрачным и таял. Немного спустя голова появилась опять, бесшумно и зловеще приближаясь. Борьба возобновлялась, и снова голове не удавалось избежать его взгляда, сковывавшего ей язык.

Так продолжалось, пока в непроницаемой темноте не обозначилась алая трещина. Она расширялась, пропуская в мир сияние дня. Накалившись, расплавились края синих туч над горизонтом; ураган света рвался из-под них, охватывая небо пожаром.

И вот восходит солнце, величавое и спокойное...

Пермяков оглянулся. Жизнь была вокруг: на траве, на мокрых кустах, на лицах товарищей. Голова исчезла.

— А-а, — с торжеством прохрипел он, — обожглась! Не ты мне, а я тебе скажу: три!

В конце прошлого года во Фрунзенский районный военкомат Москвы пришло письмо на имя совета жён офицерского состава. Автор его, старший лейтенант Устюжанинов, писал: «Дорогие товарищи! Пишу вам с фронта и хочу попросить позаботиться о моей семье. Моя мать серьёзно больна. Маленькие брат и сестра остаются без присмотра...»

В тот же день председатель совета жён Наталья Макаровна Чистякова посетила семью старшего лейтенанта. Её встретил 13-летний брат фронтовика и, немного смущаясь, попросил извинить за беспорядок.

— Мама у меня нервнoбoльная. А сестрёнке четыре года—какая же она хозяйка?

Чистякова прошла в комнату. Через большое окно солнце освещало разбросанные книги, висевшую на стульях одежду.

— Как себя чувствуете? — обратилась она к Александре Сергеевне Устюжаниновой, молча сидевшей у стола.

Больная женщина продолжала молчать, потом подняла на гостью усталые глаза и сказала:

— Голова болит,—и опять безмолвно усталились глазами в стол.

Чистякова поговорила с детьми, побеседовала с соседями и вечером собрала совет. Было решено выдать семье пособие, несколько ордеров на вещи и просить отдел государственного обеспечения направить Александру Сергеевну Устюжанинову в больницу, а сына её в санаторий; девочку взяла на воспитание жена фронтовика — Гренова.

Следующий раз Чистякова побывала у Устюжаниновой с инспектором отдела гособеспечения, а через несколько дней мать фронтовика поместили в больницу, братишку — в Сокольнический санаторий. Здесь мальчик окреп и поздоровел. Хорошее питание и правильный режим вновь окрасили его щёки в розовый цвет. Мальчик нашёл в санатории товарищей, и теперь он не чувствует себя одиноким.

Активистка совета Александра Петровна Горбунова в мае 1942 года взяла на воспитание годовалую сиротку Валу. Она заменила ей родную мать, зверски замученную немецкими мерзавцами. На снимке: А. П. Горбунова со своей дочкой Валей.

Фото Оксаны Сокрыко

ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

Г. Дробот

По воскресеньям вместе с Натальей Макаровной он ездит в больницу к матери. Встречи сына с матерью всегда очень трогательны. Она внимательно рассматривает друг друга — каждый находит другого поздоровевшим — и подолгу беседуют о разных жизненных мелочах.

Об изменениях в семье Устюжанинова Чистякова сообщила на фронт старшему лейтенанту и получила уже несколько ответов. В одном из них он пишет: «Уважаемая тов. Чистякова! Шлю вам сердечный привет и большую благодарность за чуткое отношение к моей семье. Не могу передать, как я был рад, когда узнал, что мама моя поправляется, а братишка стал здоровым и весёлым мальчиком. Недавно я получил письмо от мамы. Она мне написала обо всём, что вы для неё сделали. Легко у меня стало на душе. Радостно знать, что в суровые дни войны мы не одиноки, что о нас и наших семьях заботятся героические труженики тыла. Такие вести помогают воевать...»

Жена старшего лейтенанта Болшакова уже много месяцев лежит в больнице. За это время её 13-летний сын Борис стал плохо учиться, иногда не посещал школу. Учителя заявили об этом в совет. Мальчику нужна была семья, правильное воспитание дома. Решили на время устроить его в детский дом, а будущей осенью определить в Суворовское училище. Он и сейчас мечтает об этом. Когда Чистякова или члены совета Филиппова, Усовой-ская приезжают проводить его, он всякий раз спрашивает:

— В военную школу скоро? — и добавляет: — Вы не думайте — мне здесь хорошо. Живём мы весело, дружно. Учиться интересно. Особенно

но я люблю физику, ну и рисование тоже. Только очень мне хочется быть военным. Быть таким же сильным, как папа.

Много дел у совета жён офицерского состава. Надо проследить, как выплачиваются пособия, не испытывают ли семьи фронтовиков затруднений с квартирой или топливом, нужно побывать в детских садах и столовых.

Председатель совета жён офицерского состава Наталья Макаровна Чистякова ежедневно получает десятки писем от бойцов и офицеров.

Детская столовая, которую посещают Валентин и Галина Фомичёвы, обслуживает около тысячи детей фронтовиков.

Когда жена лейтенанта Фомичёва в первый раз привела детей в столовую, всё им здесь показалось удивительным.

В гардеробной дежурная общественница из совета жён Смирнова попросила у них назначение врачей. Прочла и улыбнулась:

— У, да вы молодцы, и стол вам прописали общий. Ступайте, помыйте ручки и проходите в первую комнату, а вы, мамаша, можете подождать детей здесь.

В умывальной, на круглых палках, висели два полотенца, из крана на белоснежную раковину медленно капала вода. Дежурная няня помогла Валентину и Гале умыться и, взяв детей за руку, повела их в зал:

— Видать, новенькие вы. Я ведь всех ребят знаю. Они у нас третий месяц питаются. Как кончится три месяца, новая смена придёт. Ничего, привыкнете. Сидите за этот стол.

За низенькими столиками сидели по четверо, иногда по шесть детей. Официантки в белых передниках и наколках быстро разносили на больших блюдах хлеб, суп, второе и сладкое. Время от времени то к одному, то к другому столу подходила та же дежурная, смотрела, правильно ли наложены порции, спрашивала, вкусно ли, что ребята хотели бы получить завтра, послезавтра, что они любят.

Работа жён-общественниц здесь начинается ранним утром. Они следят за тем, чтобы поварили тща-

тельно мыли продукты, котлы и другую посуду. Когда продукты закладывают в котёл, при этом обязательно присутствуют общественницы из совета жён офицерского состава.

Начинается завтрак. Ребята питаются три раза в день, и всякий раз надо проверить, правильные ли порции кладут им, вкусно ли приготовлены блюда. Нужно проследить и за дисциплиной в столовой, в гардеробной и в комнате отдыха, где ребята иногда ждут своей очереди и читают книги или журналы.

Такие столовые работают во всех районах столицы и в других больших и малых городах Союза.

1600 ребят питаются в столовых Октябрьского района Москвы. Совет жён офицерского состава этого района выдает семьям фронтовиков пособия; многие семьи получили пальто, платья, туфли и блузки.

Но не только этими вопросами занимается совет. Сюда приходят жёны фронтовиков и тогда, когда у них кончились дрова или возникла необходимость отремонтировать комнату, и тогда, когда от мужа давно нет писем и в сердце закрадывается тревога; они приходят, наконец, просто поговорить о фронте, высказать свои мысли, послушать, что пишут бойцы с других фронтов. Здесь их всегда внимательно выслушают, посоветуют, помогут.

Однажды познакомившись с семьёй, совет о ней уже не забывает. И если долго никто из этой семьи не приходит в совет, одна из активисток выясняет причину этого.

Большую работу проводят советы жён в сельских районах страны.

У фронтовика Солдатова остались в деревне под Тулой пятеро детей. Через совет жён им выдали 320 килограммов хлеба, 700 килограммов картофеля и тёлку. Сытно и тепло в избе Солдатовых. Всего здесь в достатке. Дети ходят чисто и опрятно одетые, учатся они хорошо и даже помогают другим.

В колхозе «Общий труд», Лаптевского района, Тульской области, живёт семья Героя Советского Союза Любанова. Колхозники с гордостью рассказывают о подвигах своего прославленного земляка и всячески заботятся о его родных. Решением общего собрания колхоз взял на себя войны семью на полное своё обеспечение.

Семьям военнoслужащих и семьям орденoносцев полагаются различные льготы. Многие родители и жёны фронтовиков не знают об этом. Активистки из советов жён приходят к ним на помощь.

Большую заботу о семьях фронтовиков проявляет комсомол. Молодые патриоты создали всесоюзный комсомольский молодёжный фонд помощи детям, пострадавшим от войны. На эти средства в Горьковской, Ивановской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Омской, Ростовской и Челябинской областях, в Башкирии и Армении созданы детские здравницы. Ежегодно здесь отдыхают 12 тысяч детей.

В Челябинской и Башкирской здравницах отдыхали дети героического Ленинграда. Их привезли сюда больными. Многие настолько отошли, что даже с трудом передвигались. Сейчас их не узнать.

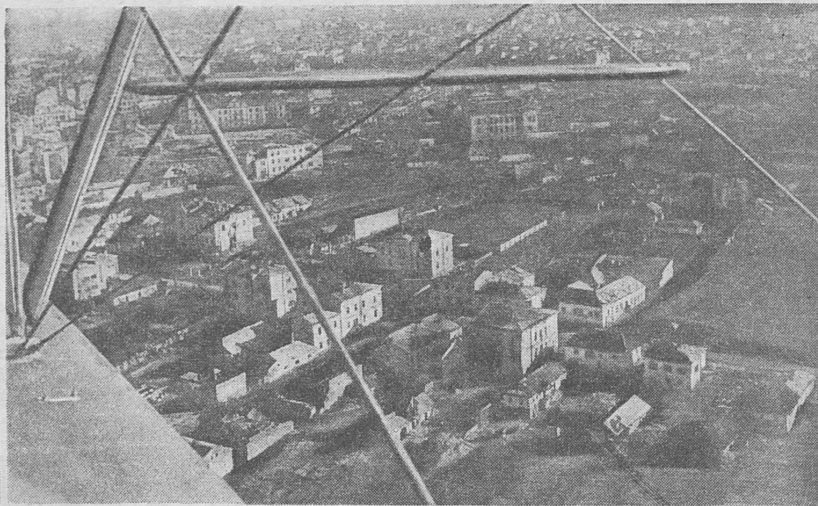
Большой заботой и любовью пользуются у нас в стране семьи фронтовиков.

ТАРНОПОЛЬ

Фото А. Устинова

Самолёт приближается к Тарнополю. Издали нам видны его израненные улицы, развалины домов, дым пожаров. Борьба за этот крупный железнодорожный узел и сильный опорный пункт обороны немцев на Львовском направлении была исключительно ожесточённой. Войска 1-го Украинского фронта блокировали город и зажали в кольцо немецкий гарнизон Тарнополя. Все попытки немцев пробиться на помощь осаждённому гарнизону не имели успеха. Засевшие в городе гитлеровцы дрались с неслыханным упорством. Натиск наших войск всё нарастал. После жестоких боёв немецкий гарнизон был уничтожен, и Тарнополь был полностью очищен от врага.

Бои здесь шли за каждую улицу, за каждый дом, даже за этаж. Расстояние между нашими бойцами и немцами иногда не превышало 15—20 метров, а зачастую их разделяла только стена дома. На тесные улицы выкатывались наши орудия и били по врагу прямой наводной. На помещённых нами фото показаны эпизоды уличных боёв в Тарнополе. Слева: наблюдательный пункт командира полка на балконе полуразрушенного дома. Ниже, справа: артиллеристы выкатывают свою пушку на новую огневую позицию — из одной улицы на другую.

Немецкое самоходное орудие, подбитое нашими артиллеристами на одной из улиц Тарнополя.

ИЗ ПРОШЛОГО ОДЕССЫ

К 150-летию со дня основания города

К. Осипов

Одесса—один из красивейших и своеобразнейших русских городов, «Южная Пальмира», «Жемчужина Юга»—вернулась в родную советскую семью. Когда-то одесситы искренно считали, что нет на свете города лучше Одессы, как нет улицы лучше Дерибасовской, нет шире лестницы, чем с бульвара в порт, нет целебнее одесских лиманов, нет более удобного пляжа и более синего моря. Милые одесситы! Милые патриоты родного города! Много рассказов будет ещё написано о том, как боролись они с

рухи, вызванной гражданской войной, городской водопровод работал с перебоями и жителям приходилось иногда носить воду чуть ли не из порта, большое распространение получила такая шутка. При основании города, дескать, возник вопрос, достаточно ли будет воды для населения, но де Рибас безапелляционно заявил: «Достаточно воды». Фраза эта была произнесена по-французски: «Assez d'eau», «Ассэ д'о» (прочитанная наоборот, она звучит «Одесса»).

Одесса развивалась с исключитель-

году в очередной книге «Ежегодника» была напечатана статья Зеленецкого, где, между прочим, имелись такие строки: «В Одессе преобладает чувство какой-то лёгкости, как бы торжества душевного».

Большим культурным событием оказалось преобразование основанного в 1817 году Ришельевского лицея в университет. Ещё Николай Иванович Пирогов в бытность свою попечителем Одесского учебного округа подал записку «О ходе просвещения в Новороссийском крае и о вопиющей необходимости преобразования учебных заведений». В 1865 году совершилось долгожданное преобразование лицея.

А затем скорбные, но почётные страницы из истории революционного движения в Одессе: кружок чайковцев, Южнорусский рабочий союз, вос-

стание броненосца «Потёмкин-Таврический».

В марте 1918 года Одесса была занята германскими войсками; в ноябре того же года оккупанты были изгнаны. На их место тотчас явились десантные отряды интервентов, но через полгода им также пришлось покинуть свободолубивый город.

Таково славное прошлое города-красавца.

Во время Великой отечественной войны Одесса засияла новой славой. Героическая оборона города против румыно-немецкого нашествия и борьба одесских партизан с оккупантами останутся навеки в памяти советских людей. В самые мрачные дни оккупации жители Одессы знали: придёт день расплаты с немецко-румынскими палачами. Этот день пришёл.

Русские офицеры, солдаты и матросы—герои обороны Одессы в 1854 году.
С литографии Рыбинского

захватчиками, как предпочитали погибнуть в катакомбах, чем видеть Одессу под ярмом немцев или румын. В 1789 году, 25 сентября, русские войска под начальством генерал-поручика Гудовича взяли небольшой приморский городок Хаджибей, перед которым стоял на якоре турецкий флот. Известие об этой операции прошло почти незамеченным: тремя днями раньше произошло Рымникское сражение, и в его ослепительном свете померкли все другие военные новости.

Выгодное географическое положение Хаджибея обратило на себя внимание русских властей, и в мае 1794 года был подписан рескрипт об устройстве военной и гражданской гавани в Хаджибейской бухте. Для этой цели была ассигнована очень крупная по тем временам сумма: два миллиона рублей.

2 сентября 1794 года была торжественно начата постройка города и порта.

Возник вопрос о названии нового города. Существует версия, что генерал-майор де Рибас предложил в память о бывшем здесь древнем греческом поселении название «Одессос», а Екатерина II согласилась, но внесла поправку:

— Пусть уж будет женского рода—Одесса!

К слову сказать, пылкой фантазии одесситов этот исторический анекдот показался недостаточно эффектным. В 1920 году, когда под влиянием раз-

ной быстротой. В 1809 году был готов театр. С 1827 года начал издаваться на русском языке «Одесский вестник». В 1831 году появился первый номер ежегодника «Одесский альманах», где наряду с произведениями столичных писателей печатались стихи, рассказы и статьи местных литераторов.

Большую роль в культурном и экономическом развитии Одессы сыграл граф М. С. Воронцов, занимавший пост генерал-губернатора с 1823 до 1845 года. К моменту его отъезда Одесса стала благоустроенным, европейским городом. Приехавший в 1823 году в Одессу Пушкин писал о ней:

«Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд...»

Но к середине XIX столетия город уже был иным. Лучшие архитекторы отстраивали Одессу, лучшие художники украшали её. Дворец Воронцова, биржа, бульварная лестница, Публичная библиотека и много других зданий и сооружений остались памятниками деятельности замечательных зодчих.

Мало того, что город украшался, он приобретал свой, особенный колорит. Щедрая ли южная природа налагала свой отпечаток или то обстоятельство, что в Одесский порт прибывали корабли со всего света, но в городе всегда царила атмосфера суетливого оживления, общительности, юмора и жизнелюбности. В 1839

ОДЕССА

Герман Абрамов

Вот и суждено нам снова повидаться...
Добрый день, Одесса, снова я с тобой!
Шелковица синяя, белая акация,
Зори золотые, пенистый прибой,
Дали голубые, берега родные,
Мать моя, Одесса, здравствуй, город мой!

С родиной разлука—есть ли горе горше?
Долго ночь чернела, долго ждали дня,
И знамена смерти над тобой, как коршуны
Алчные, простёрлись, солнце заслоня...
Вольные просторы, море моё, море,
Мать моя, Одесса, ты встречай меня!

Вновь у синя-моря на рассвете алом
Лаской меня встретит зоренька-зоря.
Корабли большие снова, как бывало,
У причалов шумных бросят якоря.
Город, гордый город, как ты сердцу дорог!
Ты страдал не даром, воевал не зря!

Вот и суждено нам снова повидаться.
Море моё, море, милый город мой!
Шелковица синяя, белая акация,
Над волною чайка, парус за волной.
Этой вековой жить нам красотой,—
К дальнему Дунаю уплывает бой...

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

Александр Решетов

О русском сердце говорят: оно
Отходчиво. Я, русский, понял сердцем:
Пока стучать ему в груди дано, —
Прощения от нас не будет немцам.

От пепелищ, что поросли травой,
Из тишины над скорбным запусеньем,
С дорог, что кровью смочены, слезой,
Святое к нам пришло ожесточенье.

Растаял снег, и вечная вода
Днестровская смывает след проклятый,
Но в памяти народной навсегда
Остался он и требует расплаты.

Возмездием закончим мы поход.
И голоса людей родных и стоны
Звучат у нас в сердцах ожесточённых,
Как зов отчизны: «Мстители, вперёд!»

По сверкающей глади Прута, то чисто голубой, когда небо над рекой по-весеннему ясно, то мрачной, свинцовой, когда по небу плывут тяжёлые тучи, далеко разносится бодрый стук топоров, глухое уханье «бабы» да старинный, протяжный припев «Дубинушки»:

«Эй, ухнем, взяли, пошло, пошло!»

Эти наши инженерные войска наводят так называемую жёсткую переправу, то есть, попросту говоря, восстанавливают большой мост, который румыны и немцы взорвали при отступлении. Работа идёт споро, весело; и хотя подразделение лейтенанта Сидоренко трудится без отдыха и почти без сна третьи сутки, хотя и сейчас шестеро сапёров, держащих сваи, стоят по грудь в студёной вешней воде, смех не смолкает — и над рекой то и дело слышится весёлая, озорная, приправленная солёным солдатским словом припевка «Дубинушки», тут же на ходу сочинённая ефрейтором Полищуком, который командует группой сапёров, загоняющих сваи:

«Уж мы Гитлера уважим!
Дуло мы ему покажем!»

Высоким надтреснутым тенором запекает Полищук, и бойцы дружно подхватывают припев:

«Ухнем, взяли, пошло, идёт!»

Полновесные удары «баб» обрушиваются на сваи, и сваи толчками входят в глинистое речное дно.

Сапёры веселы. Веселых командир. Есть чему радоваться. Прошлым летом они под страшным вражеским огнём строили переправы через Донец у Белгорода. Тогда Сидоренко, в гражданской своей жизни десятник-мостостроитель, был старшим ефрейтором. Несколько недель спустя, ночью, под прикрытием густого осеннего тумана, они наводили временный мост через Ворсклу, восточнее Полтавы, мост, по которому к городу прошли передовые батальоны. Тогда Сидоренко был уже старшиной и взял на себя командование взводом, после того как смертельно раненый осколком мины командир упал на доски незаконченного моста. Потом, командуя взводом, Сидоренко строил причалы на Днестре и был сам при этом ранен. Уже лейтенантом и заместителем командира роты он наводил переправу через Южный Буг, а затем спустя несколько дней и через Днестр.

Сейчас он со своими людьми наводит мост через Прут, мост через границу.

А пока инженерные части наводят и восстанавливают мосты, боевой пульс переправ на Пруте продолжает биться ровно и непрерывно.

Весело, с шутками, с прибаутками, а то и с песней переправляются за реку пехотинцы в просолённых гимнастёрках, в сапогах, на которых толстым слоем лежит пыль бесконечных фронтовых дорог.

— Вот она, Румыния! — кричат они, нетерпеливо прыгивая на доски причала, не дождавшись, пока баркас вплотную подвезёт к берегу. Гулко стучат о доски лодок копыта коней Кавалерии переезжает со всем хозяйством, с пушками, с танками, с обозами. По ночам, когда над Прутом стоит осенняя ночь и яркие крупные молдавские, южные звёзды купаются в чёрной и тяжёлой, как лёгок, воде, на паромах за Прут переправляются орудия, танки, машины.

Переправы живут и днём и ночью. Непрерывным потоком льются наши войска через узкие артерии мостов и паромов, чтобы потом быстро растечься по прибрежным дорогам и устремиться на запад и югозапад, к жизненным центрам Румынии.

ПЕРЕПРАВА

(Из фронтового блокнота)

Б. Полевой

И сколько интересного можно наблюдать и услышать здесь, на крутояры, над рекой, у дымного костра, ожидая своей очереди пересечь границу.

Маленький танкист, участник сражения за переправу, с увлечением рассказывает бойцам о недавних боях, бушевавших здесь. Он широко размахивает небольшой, сильной, перепачканной в масле рукой и то и

Двестром и Прутом. Не давать немцу опомниться, сбивать его с новых и новых рубежей, на которых он пытается укрепиться и прийти в себя, стремительными и непрерывными ударами заставляя его превращать отступление в бегство, заставляя его бросать всё и вся, отрезать пути отхода и уничтожать упорствующих — вот стиль боёв этих дней.

Фронтальная дорога на десятки километров завалена вражеской техникой. Разбитые грузовики, опрокинутые легковые машины, тягачи, бронетранспортёры, совсем исправные машины — всё это брошено врагом, отступавшим под напором войск 1-го Украинского фронта. Здесь с боями прошли славные прикарпатские дивизии.

Фото А. Шайхета

дело поправляет сползающий ему на нос рубчатый шлем.

— Немец что? Он какую теперь тактику занял? Он всё хочет от нас оторваться, остановиться да выпендись в землю ногтями, чтобы хоть технику-то свою уволочь, спасти. А мы ему говорим: «Врёшь, собака!» Он остановится, укрепитесь, ждёт. А мы по другой дороге его обойдём, охватим, да как ударим ему в спину! Немцы всё побросают и бегут. Ничего им не дадим увести. Без порток бежать заставим тех, кому удачи голову унести.

Командир танка младший лейтенант Нефёдов хорошо передал дух этого нашего нового наступления за

К костру подходят раненые. Раненых в боях в предгорьях Карпат. Все они очень горды тем, что принимали участие в историческом переходе через границу и что дрались и ранены уже на вражеской территории.

— Вчера наша часть у железной дороги немцев отрезала. Кричим: «Сдавайтесь, сукины дети! Хенде хох! А то капут вам будет!» Они стреляют. Мы всех до одного покроем, — рассказывает молоденький пехотинец, бережно, как ребёнка, покачивающий лежащую на дощечке и подвешенную на бинте раненую руку. Потом, разговариваясь, добавляет: — А чудной там, в Румынии, народ: сначала слуху все прятались. Войдём в деревню — никого, одни собаки по улицам бегают, да в хатах кое-где старики по печкам прячутся. Что, думаем, за оказия за такая: ку-

да ж народ весь делся? Потом видим, выползают понемножку из оврагов, из ям, из лесов. Смотрят на нас, удивляются. Оказывается, что румыны и немцы, отступая, разные басни им про нас рассказывали, будто мы всех режем, жжём, грабим. А эти чудачки поверили. А потом вернулись в деревню, поглядели на наших доблестных бойцов, сразу иной разговор: и угостят, и приветят, и бельишко постирают... А бедность там какая... ой-ой-ой! Все рваные, грязные. И дети и взрослые босые. Словом, начисто их немцы обообрали. Ох и не любит же эти румыны немцев!

Бойцы, поджидающие у костра своей очереди переправляться через Прут, с интересом слушают рассказы раненого, уже побывавшего «за границей». Попытываются цыгарки. Кто-то спрашивает:

— Ну, а сопротивляются здорово?

— Сопротивление есть. Сильно упираются. Румыны — ничего. Эти, пожалуй, непроч и в плен сдаются, да немцы что делают: они сади ставят свои части с пулемётами и гонят румын вперёд. Да и техники они за последний день поднакатали. Танки есть, артиллерия. Ну ничего, нам не привыкать. Не таких были под Белгородом да у Днестра!

Снизу, от переправ, слышится команда офицера:

— Вторая рота, приготовиться к погрузке!

Солдаты гасят цыгарки и бегом, подпрыгивая на ходу, сбегает с глинистой кручи. У причалов шум и смех: очередной паром привёз с той стороны партию пленных. Человек тридцать румын в своих зелёных балахонах и нескольких немцев, оборванных и очень грязных. Пленные стоят отдельно, резко обозначившись группами, зло поглядывая друг на друга. В шумной, галдящей, экспансивной толпе румын молчаливые немцы чувствуют себя чужаками. Невидимая стена ненависти и презрения разделяет недавних союзников. Пленные медленно сходят на мостки и идут по берегу мимо столпившихся у парома наших бойцов.

— Отвоевались, мамалыжники? — спрашивает кто-то из толпы.

— Да, да, война конец. Гитлер капут, Антонеску капут! — галдит толпа румын.

Немцы молча сходят на землю, глядя себе под ноги. Процессия пленных исчезает за косогором.

Опять и опять прорываются к Пруту немецкие пикировщики. Выскользнув из облаков, они выстраиваются гуськом и поочерёдно устремляются к переправам. С севера наперез им несутся наши истребители, перехватывая дорогу врагу. Слышится короткий, сухой, снизу такой нестрашный треск авиапушек и пулемётов. В воздухе завязывается воздушная драка, в которой некоторое время трудно что-либо разобрать. Но вот поднятый «фриц с душкой» отваливает от строя и камнем падает в воду, поднимая огромный фонтан брызг. У костра продолжается разговор. Раненый спокойно отмечает:

— Одиннадцатого за сегодняшний день сбили.

И попржежнему невозмутимо строят инженерные войска переправу, по-прежнему спокойно и неторопливо перерезают Прут парома с войсками. Силы наши непрерывно накапливаются за рекой, и в этой размеренной работе переправ видна замечательная закалка наших войск, сила и непоколебимость нашего наступления, которому враг уже не может помешать.

Над Прутом сияет ласковое вешнее солнце, солнце первой свободной весны после непроглядного мрака немецкой оккупации.

2-й Украинский фронт.

ЗА СЕРЕТОМ

Фото А. Шайхета

Реки Прут и Днестр остались позади. Войска 1-го Украинского фронта продолжали с боями продвигаться вперёд. Реку Серет наши части форсировали с ходу и стремительно атаковали немцев, не ожидавших столь быстрого появления советских бойцов на правом берегу. Враг был разгромлен и отброшен. Наши войска овладели городом Серет.

Город Серет был превращён немцами в настоящую крепость. Они возвели здесь долговременные укрепления. На улицах много мощных дотов, которые строились в течение нескольких лет. Прочные железо-бетонные укрепления не помогли немцам. Наши войска стремительно выбили врага из Серета. На снимке: советские бойцы и командиры осматривают одно из таких укреплений в Серете.

Наши части проходят по улицам Серета.

На улицах горьда шумно и оживлённо. Румыны — жители Серета — собираются группами, с интересом прислушиваются к рассказам советских бойцов и командиров (нижние снимки).

Литература и искусство

«ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ»

Новая постановка в театре имени Моссовета

Удивительно, до чего и сейчас ещё живы, ярко комедии Карло Гольдони, этого замечательного итальянского драматурга, умершего полтора столетия назад! От разрушающего действия времени они предохранены тем, что автор положил в их основу «вечное» в природе человека — человеческие страсти.

К этому надо прибавить мастерство интриги, блеск диалога, жизненную правдивость образов и неувядающий социальный оптимизм автора. «Он всегда стремился, — пишет один из английских биографов Гольдони, — изображать факты общественной жизни с таким реализмом, какой только возможен на сцене». Известно, что Вольтер называл этого драматурга сыном и живописцем натуры.

Смешное рождается у Гольдони из столкновения резко несхожих характеров, — столкновения, приводящего к неожиданным, но логически оправданным результатам. Действительная или притворная женская кротость побеждает прямую или косвенную грубость мужчины. Молодое чувство тор-

жествует над упрямством и предрассудками старости.

«Забавный случай» обычно не причисляется к лучшим созданиям Гольдони и не имеет такой славы, как, например, «Трактирщица». Однако и эта пьеса обладает многими достоинствами гольдониевской «комедии характеров».

Действие происходит в Голландии. Жаннина, дочь богатого купца Филиберта, и офицер-француз де ля Котри, принадлежащий к знатному, но заурядному роду, любят друг друга. Старик Филиберт в тревоге. Он против этого брака. Но лукавой девушке удаётся убедить отца, что офицер влюблён вовсе не в неё, Жаннину, а в её подругу — Констанцию. Старик облегчённо вздыхает и, чтобы вернее отвести опасность от дверей своего дома, готов даже похлопотать за Констанцию перед её отцом, богатым откупщиком Рикардо.

С этого момента и завязывается узел комедии. Почти каждое слово Филиберта вызывает смех. Высказываясь в защиту брака между дочерью богача и немущим офицером, Филиберт, сам

того не подозревая, выступает против себя же. И чем красноречивее аргументы, которые он приводит отцу Констанции, тем смешнее они звучат.

Потерпев неудачу в переговорах с надменным откупщиком, Филиберт даёт офицеру добрый совет обвенчаться тайком. Ведь откуп-

Констанция и Филиберт — артисты М. Эттинген и Б. Оленин

Фото Л. Смирнова

щик тоже любит свою дочь. Ему ничего больше не останется, как простить её. Офицер так и делает. Но женится он, конечно, не на Констанции, а на Жаннине, дочери самого Филиберта.

Конец пьесы проходит при шумном смехе в зрительном зале.

*

На первом месте среди исполнителей должен быть поставлен артист Б. Оленин, играющий Филиберта. Этот немного суматошный, но добрый старик, вызывает общее веселье и своим неловким сватовством и в дальнейшем, когда, узнав о дочернем обмане, впадает в бесполезное отчаяние. При всём реализме своей игры Б. Оленин сохраняет тонко-ироническое отношение к создаваемому образу, делая его по-настоящему комедийным.

Хороши обе подруги-соперницы: Жаннина (О. Викландт) и Констанция (М. Эттинген). Но Жаннина больше привлекает сердца. Она главная виновница комедии. Она красивее и удачливее Констанции. Артистка Викландт ведёт свою роль темпераментно, с блеском.

Откупщика Рикардо играет артист Н. Бродский в гротескной, пародийной манере. Он не говорит, а фыркает и ходит, как марионетка. Он тоже смешон. Но комического эффекта Рикардо-Бродский добивается менее тонкими приёмами, чем Филиберт-Оленин.

Офицеру де ля Котри недостаёт очарования молодости. В изображении артиста Б. Лаврова это какой-то размагнитченный, полупарализованный волокита. Только хорошая пластика не позволяет ему выпасть из общего стиля постановки.

Традиционная парочка — слуга Гасконь (А. Консоцкий) и Марианна (И. Соко-

лова) — поддерживает жизнеподобный тон представления.

Спектакль ритмизирован его постановщиком Ю. А. Завадским с таким искусством, что прозаическая пьеса звучит, как написанная стихами. С ритмом актёрской речи прекрасно сочетаются ритм движений и приятная музыка Ю. Бирюкова. Спектакль получился изящный и насквозь «музыкальный».

Много способствуют успеху представления переводчик А. Дживилегов, давший безукоризненный текст, и художник М. Виноградов, талантливо показавший на сцене уголок старой Голландии.

Зрители аплодируют артистам и Ю. А. Завадскому после каждого акта и особенно в конце этой небольшой, но с большим мастерством и вкусом поставленной пьесы.

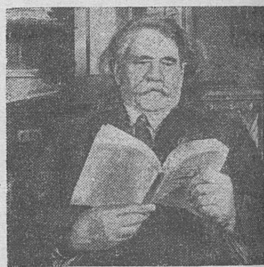
Вл. Василенко

ЭПОПЕЯ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ»

Новая работа

С. Н. Сергеева-Ценского

Лауреат Сталинской премии писатель-академик С. Н. Сергеев-Ценский работает над многотомной эпопеей «Преображение», показывающей, как бывшая царская Россия преобразилась в Советский Союз.

С. Н. Сергеев-Ценский.

Это произведение распадается на четыре отдела: Россия перед первой мировой войной; Россия во время первой мировой войны; Февральская революция, Октябрьская социалистическая революция и гражданская война; годы строительства социализма.

Писатель закончил уже первые восемь романов: «Вал», «Обречённые на гибель», «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили», «Зурид-полк», «Лютая зима» (прежнее название — «Массы, машины, стихии»), «Бурная весна», «Горячее лето». Десятый роман будет называться «Зрелая осень», десятый — «Трон убрали».

— Эпопею «Преображение», — говорит С. Н. Сергеев-Ценский, — я начал писать ещё до «Севастопольской страды», в 1914 году. В ней действует до двух тысяч лиц. Я целиком поглощён сейчас этой эпопеей и работаю над ней с громадным творческим подъёмом.

Фото и текст Ал. Лесс

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Заслуженная артистка РСФСР Ирма Янзем репетирует новые песни в сопровождении народного трио баянистов: Я. Попкова, А. Кузнецова и А. Данилова.

Фото К. Вдовинной

Заслуженной артисткой РСФСР Ирмой Янзем в творческом содружестве с Владимиром Яхонтовым и народным трио баянистов создана литературно-музыкальная композиция «Русская песня».

Эта работа свидетельствует о неустанных поисках Ирмой Янзем новых форм концертного исполнения. Композиция задумана и разрешена как творческий сплав слова и песни. Артистам удалось создать цельную художественную программу, посвящённую русской песне — неизменной подруге и спутнице нашего народа.

Литературную основу композиции составляют прекрасные строфы А. Пушкина, патристические строки А. Кольцова, стихи о родине С. Есенина. Они удачно объединены стихотворным текстом В. Гусева, который звучит как

своеобразный «поэтический конференс» к песням, исполняемым Ирмой Янзем.

Композиция глубоко эмоциональна, построена на удачных песенных контрастах и переходах. Плавная, широкая песня «Меж крутых бережков» сменяется задорной плясовой «Пойду ль я, выйду ль я». Вслед за песней вольных людей XVII века о Степане Разине звучит песня о народном герое наших дней — Василии Чапаеве.

Композиция отражает в песенных образах величие и красоту духа нашего народа, его неколебимую мощь, создававшуюся веками. Имена любимых, воспетых народом героев оживают в ней. В ней как бы протекают величавые русские реки — Волга, Дон, Кама — колыбели прекрасных народных песен... Но вот звучит труба тревоги — и возникают новые песни, о войне, о героической борьбе русских людей:

«Грозят враги, тупые злые волки,
Тебя, могучую, поработить...
Но только русской песне не умолкнуть
И песне рабов ей никогда не быти!»

Композиция «Русская песня» — несомненная творческая удача Ирмы Янзем, исполнение которой находится на высоком художественном уровне. С особенной силой прозвучала у неё «Песня о Чапаеве» лауреата Сталинской премии В. Соловьёва-Седого. С певницей по праву делит успех чтец В. Яхонтов, выступающий в строгой, сдержанной манере. Удаче композиции немало способствуют баянисты — А. Кузнецов, Я. Попков и А. Данилов, ансамбль которых то исполняет роль «музыкального фона», то выступает самостоятельно.

Настоящий художник никогда не останавливается, не успокаивается на достигнутом. Новая композиция ценна тем, что она отражает стремление артистов расширить рамки обычного концертного исполнения, найти для него новые формы, насытить его свежим, идейно значительным содержанием.

С. Богомазов

ТЕАТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ СНОВА В МОСКВЕ

Спектаклем «Далёкий край» Евг. Шварца открылся Московский театр юного зрителя. Он не играл в Москве более двух лет.

В Зеленодольске МТЮЗ оказался единственным и первым театром, поэтому он ставил там спектакли не только для своих обычных зрителей — ребят, но и для взрослых. Дружески, тепло относились зрители к появившемуся им театру. В спектакле «Пётр Крымов» действие одной из картин происходит в заводском цехе. Решено было воспроизвести на сцене уголок кузнечного цеха местного завода имени Горького. Рабочие завода, зрители-энтузиасты, вызвались помочь театру. В мастерских завода они столь тщательно сделали для оформления спектакля модели машин, что их искусству мог бы позавидовать любой бутафор.

В далёком тылу, за тысячу километров от боя, советские люди охвачены желанием помочь фронту. Полон этого стремления и тринадцатилетний Лёня, эвакуированный из Ленинграда вместе с младшим братишкой Мишей.

Лёня, которого война заставила сразу повзрослеть, считает, что сейчас его место не в интернате, среди других эвакуированных детей, не на полях соседнего колхоза, где ребята помога-

Артистка Ю. Юльская в роли Лёни.

ют колхозникам в сельских работах, а на берегах Невы, в охваченном кольцом немецкой блокады Ленинграде.

Однажды ночью он исчезает из интерната. Все уверены в том, что он убежал в Ленинград. Но ещё вечером

после разговора с председателем колхоза Лёня убедился, что работа в тылу необходима для фронта, и решил остаться. Целую ночь провёл Лёня один в поле, дёргал лён, и ему казалось, что каждым своим движением он наносит удар врагу...

Живым, упорным и серьёзным (серьёзность эта порождена войной) рисует образ Лёни талантливая артистка Ю. Юльская, давно и заслуженно любимая зрителями.

Остро и смешно лепит артистка В. Стручкова образ медлительного тугодума и растяпы — маленького Серёжи.

Незамысловатый по сюжету спектакль «Далёкий край», поставленный художественным руководителем МТЮЗ А. Кричко, получился задушевым, проникнут любовью, гордостью и уважением к прекрасному, стойкому городу Ленина, к его людям.

МТЮЗ снова в Москве. Это хорошо. Снова маленькие бойкие зрители наполняют зал театра весёлым гомоном и смехом и, когда раздвигается занавес, притихают, с волнением следя за судьбой героев спектакля.

М. Кулаковская.

Литература и искусство

ФРОНТОВАЯ БРИГАДА

Украинский танец из хореографической сюиты «Дружба народов» в исполнении артистов фронтовой бригады.

С первых дней войны начала свою деятельность концертная бригада клуба московской милиции (руководитель — Ирина Листовская).

«Молодёжная бригада», как её называли вначале на фронте, выросла в крепкий художественный коллектив, завоевавший широкую популярность в воинских частях.

Свыше 2200 концертов провела бригада на фронте. Из них большую часть составляют походные концерты в непосредственной близости от линии боя — на лесных полянках, на площадях посёлков, на автомашинах.

Идя вслед за наступающими частями Красной Армии, молодые артисты пробирались по ещё не законченным мостам, вступали в ещё горевшие селения и под грохот уходящего на запад боя давали концерты для частей в часы их отдыха.

НАРОДНЫЙ СКАЗ О РУССКОЙ ДОБЛЕСТИ

Сто девяносто семь раз выступала перед бойцами за время поездки на фронт фронтовая бригада сказочников Всесоюзного дома народного творчества имени Крупской в составе сказочника И. Ф. Ковалёва (Горьковская область), сказительницы Ф. И. Беззубовой (Мордовская АССР), сказительниц А. Е. Суховерховой (Архангельская область), А. Е. Рогожниковой (Новосибирская область), Е. И. Чичаевой (Красноярский край) и поэта-колхозника А. П. Новикова (Горьковская область).

Участники бригады рассказали около тысячи двухсот сказок, народных сказаний и песен, в том числе героические и сатирические русские народные сказки, патристические сказы о Красной Армии и её героях, о товарище Сталине.

Героям-артиллеристам Новгородского полка бригада посвятила коллективное сказание:

«Было то под городом под Новгородом»

В начале этого сказания речь идёт о славной реке Волхове, о нападении на русскую землю немецких псов-рыцарей, о Ледовом побоище.

«Поехал Невский Александр-князь со своим да со дружиною,

Посмотрел он да на все стороны,
Разъясрилося, вострепенулося сердце да свет у Невского,

Забилася у Александра кровь да в белой груди.

Вот тут-то он левой рукой да могуч кулак зажимал,

А правую рукою да вострый меч свой подымал.

Тут вам, псы-рыцари, жизни край пришёл,

Тут конями псов-рыцарей топтали,

Тут на дно Чудского озера глубоко всех их опускали...

Прошли века. Потомки псов-рыцарей опять напали на нашу священную землю. Началась Великая отечественная война. И сказание повествует:

«Враг изранил, избил всеё землю-матушку.

Он хотел, злодей, из груди её белон

Повырвать сердце ретивое.

И от этой-то боли жестокой

Застонала-то тут родимая и заохала.

Как от этих стонов от горестных

Высоки горы содрогались,

Круты скалы обрывисты обсыпались.

И заплакала-то тут Волхов-река слезами горькими,

И катились-то они, как проливны дожди.

А Новгород стоял, во тьму окутанный,

Богатырь могуч, он держал себя с гордостью.

И повыпрямился он тут во весь свой могучий рост

И поднял высоко, высоко свою буйную голову —

Он выше-то тучи этой чёрной,

Он под само-то небо синее.

Он глядел-то на восточную сторону,

Он поджидал к себе рать великую,

Рать великую — Красную Армию.

И протрубил-то он в бранный рог, в трубу медную,

В трубу медную звуки тревожные.

Слышит ухом ту трубу Москва-матушка.

Ох, и как заняло-то ретивое да у белокаменной,

У родимого, желанного да нашего батюшки.

Не брал его да сон-дремотушка во те ли

ночи да беспокойные.

Его мудра головушка да думу думала и дело делала,

Он тут к Новгороду да заступников выбирал,

Вот тут-то он им планы да написал.

Тут вождь им великие дороги да указал.

Ой, как тут не буря да разбушевася,

Не ветры буйны расхлестались,—

Это ясные соколы да разлетались,

Красная Армия взводновалася,

Могучими полками да собиралася.

В путь-дорожку шла сила грозная,

Сила грозная да рать могучая.

Не дорогою она шла да не гладкою,—

Болота, овраги бойцы переходили,

Пушки, снаряды на себе переносили.

Новгород да они окружили.

Трубы медные затрубили.

Фашистская нетварь перепугалася,

В разные стороны она кидалася.

Красная Армия очистила город и повымела,

Негодную траву повыкосила,

Негодной траве в нашей стране не расти,

Фашистам в Новгороде не бывать.

Шлёт велик-град вести да со радостью

Во столицу да в белокаменну —

Ко желанному да нашему батюшке.

Свалилася гора да с белокаменной,

Отвалил серый камень от сердца ретивого.

Затолпилися люди во всех да во проулочках.

Прогремела-то матушка-столица по всей да по вселенной,

Проиграли-то гусли звонкие да с колокольцами,

Небо радугой да осветилось,

В разноцветной ковёр да нарядилось.

Благодарил-то великой вождь да рать могучую,

Он полк назвал да почётным званьем да новгородским.

Честь и слава родным нашим воинам!

Слава славная, всенародная

И жизнь долгая и счастливая

Великому полководцу, родному Сталину!

Фронтовая бригада сказителей с героями-новгородцами

Фото Ю. Говорова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ

М. Римский-Корсаков

Музыка была тем элементом, который господствовал в семье Николая Андреевича, тем более что и жена композитора, Надежда Николаевна, была прекрасной пианисткой и вообще высоко одарённой музыкальной натурой. С детства все мы — сыновья и дочери композитора — слушали музыку: детские песенки или какие-нибудь мотивы из опер, которые нам пели отец, мать или бабушка, или игру на рояле отца и матери. Николай Андреевич сажал детей на колени и пел нам народные песни, большинство которых запомнилось ему, по-видимому, со времени детства, проведённого, как известно, в Тихвине.

В 70-х годах прошлого столетия отец состоял инспектором музыкантских хоров Морского ведомства, и дети знали, что папа ездит в какой-то «8-й экипаж» и учит там матросов играть на различных инструментах. Очень любили мы песни нашей няни Авдотьи Ларионовны, которая, между прочим, пела колыбельную, взятую впоследствии Николаем Андреевичем в оперу «Сказка о царе Салтане». Играла на рояле для нас главным образом мать — Надежда Николаевна. Мы хорошо запомнили отрывки из опер Глинки, Моцарта и других композиторов, различные танцы и пр. Сам Николай Андреевич играл для нас редко из-за своей занятости. Но вот когда огромная семья родственников собиралась в доме дяди матери — В. Ф. Пургольда, — Николай Андреевич обычно играл танцы для детской колонии.

Я был старшим в нашей семье и, конечно, первым стал попадать на репетиции концертов, а потом и на самые концерты Бесплатной музыкальной школы, которой управлял тогда отец. Дома мы слушали музыку постоянно. Когда отец что-нибудь сочинял, то работал частью в своём кабинете за письменным столом, частью в гостиной, где находился рояль. За инструментом он просиживал иной раз довольно долго, проигрывая написанное по несколько раз, и импровизировал, развивая свои музыкальные мысли. При этом он всегда курил и заносил отдельные такты на нотную бумагу, но всё основное он писал за столом. На известном замечательном портрете Николая Андреевича Серов изобразил его за письменным столом в кабинете (последняя квартира нашей семьи на Загородном проспекте в Петербурге). Летом на даче Николай Андреевич нередко выходил в сад, а затем снова возвращался к роялю или к письменному столу. В кармане у него обычно находилась записная книжка, в которую он записывал свои музыкальные мысли.

В первой половине своей творческой деятельности Николай Андреевич показывал своим музыкальным друзьям законченные оперы до их написания. Я помню, как он проигрывал «Майскую ночь», «Снегурочку», «Младу», «Ночь перед Рождеством». На этих показах присутствовали Глазунов, Лядов, В. В. Стасов, Трифонов, Ф. М. Блуменфельд и другие. Балакирев был на показе только двух первых из названных опер, но сразу же очень высоко оценил вступление к «Снегурочке» и пожелал сделать сам переложение его для рояля. Воспоминания, как горячился при показе опер В. В. Стасов. Прослушавши начальные такты 2-го действия «Млады» (хор в народной сцене), он пришёл от них в восторг и прямо зааплодировал. Более поздние оперы Николай Андреевич показывал только отдельным лицам: своему неизменному поклоннику и биографу В. В. Ястребцову и либреттисту В. П. Бельскому.

Весной 1894 года он решил писать оперу на гоголевский сюжет «Ночь перед Рождеством», несмотря на то что Чайковский за двадцать лет до этого написал своего «Кузнеца Вакулу». Николай Андреевич никому, кроме матери моей и меня, не говорил о своём намерении. Он начал сочинять со вступления к опере, которая должна была дать картину звёздной морозной ночи. Помню, как Н. А. сочинял это вступление, музыка которого удалась ему. И вот захотелось ему испытать, не догадываются ли те, кто не знает сюжета сочиняемой оперы, что должно изображать это вступление. Отец пригласил В. В. Ястребцова, Н. М. Штрупа и П. А. Трифонову к себе и сыграл им это вступление. настолько выразительна была услышанная музыка, что ответы были в отношении содержания вступления более или менее правильные, но сюжет оперы не был разгадан. Никому не приходило в го-

лову, что Н. А. мог взять для оперы гоголевскую повесть.

Николай Андреевич всегда стремился к тому, чтобы расширить свой музыкальный горизонт, то есть ознакомиться со всем новым, что появлялось как в нашей, так и в западноевропейской музы-

Н. А. Римский-Корсаков.

Рисунок И. Репина. 1888 год.

кальной литературе. Конечно, далеко не всё новое получало его одобрение, но вообще вкусы его, несомненно, менялись. Балакиревский кружок был для Николая Андреевича в начале его музыкальной деятельности непрерывающим авторитетом, от которого он постепенно отходил. всю жизнь он оставался верным основным принципам музыки Глинки, Бородина, Мусоргского, Бетховена, Шумана, Листа, Берлиоза. В скором времени, когда он вступил в число профессоров Консерватории, вкусы его расширились, он воспринял музыку старотальянских композиторов, Баха и Генделя, а в период своей наиболее интенсивной оперной деятельности полностью оценил Моцарта, полюбил Чайковского и Вагнера.

Автограф Н. А. Римского-Корсакова из клавира оперы «Садко».

После смерти Чайковского (1893) отец, естественно, стал возглавлять вообще русскую музыкальную жизнь. Известность его стала широко разрастаться не только у нас, но и за рубежом. Жизнь его потекла спокойно: зимой преподавание в Консерватории и окончание инструментовки созданных главным образом летом опер и других произведений. За 15 лет жизни им было написано одиннадцать опер. Зимняя работа проходила в квартире на Загородном проспекте, 28.

Небольшой кабинет, в котором помещались два одинаковых письменных стола (отца и матери), был местом, хорошо знакомым громадному числу музыкантов, посещавших нас, а в большой гостиной собирались композиторы и любители музыки, чтобы послушать то или другое новое произведение отца или его учеников, Н. И. Забелу, Ф. И. Шляпина и многих других певцов и певиц.

С конца девяностых годов у Римских-Корсаковых начали происходить музыкальные «среды», на которых Н. И. Забела исполняла новые произведения отца, пел иногда Ф. И. Шляпин, играл Ф. М. Блуменфельд, сёстры мои — Софья Николаевна и Надежда Николаевна — знакомили присутствующих с ариями из новых опер отца, показывали свои сочинения его ученики — И. Ф. Стравинский, М. О. Штейнберг, Н. Н. Черепнин и другие. Изредка бывал С. И. Танеев, играя сочинения главным образом москвичей. Маститый В. В. Стасов, как всегда, громогласно выражал своё одобрение или недовольство новыми вещами русских и иностранных композиторов. Бывал здесь и А. Н. Скрябин, играя исключительно свои вещи.

Николай Андреевич любил общение с музыкантами, любил и разные шутки и выдумки молодёжи. В. В. Ястребцов в ненапечатанной части своих воспоминаний подробно описывает эти «среды» у Римских-Корсаковых. Не только «молодёжь», но и пожилые люди принимали участие в музыкальных шутках. Так, бывшие ученики отца — профессор Консерватории Н. А. Соколов и певец С. М. Блуменфельд — пародировали однажды сцену из итальянской оперы, экспромтом сочиняя текст и музыку и вызывая гомерический хохот присутствующих.

Иногда у нас устраивались помимо «сред» домашние спектакли, в которых отец не принимал непосредственного участия. Но однажды он сочинил шутливое стихотворение в честь актёров и сам его прочитал после представления (оно фигурирует на выставке, организованной по случаю 100-летия со дня рождения композитора).

В настоящее время осталось в живых уже не так много лиц, бывавших на квартире у Римских-Корсаковых, беседовавших с Николаем Андреевичем и слышавших его высказывания, получавших впечатления от первого прослушивания его произведений. Многие из обстановки квартиры на Загородном находится в настоящее время в музее Государственного научно-исследовательского института театра и музыки в Ленинграде, в отдельной комнате, посвящённой Римскому-Корсакову.

ВОЙНА НЕВИДИМОК

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

Ник. Шпанов

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Советские люди—капитан 3-го ранга Житков и его друг Найдёнов—работают над лаком, сообщающим невидимость перископу подводных лодок. Немецкие шпионы—Витема и его сообщник Мейнеш—пытаются добыть рецепт этого лака. Кроме этого задания Витема, едущий в СССР под видом англичанина Бэра, должен выполнить диверсионные акты—подорвать транспорты, везущие военный груз в СССР. Витема в пути вербует Майлса—штурмана судна «Мария Глория»—и, шантажируя его, заставляет подложить в трюм зажигательные снаряды, заключённые в консервные банки.

Житкову и Найдёнову поручено преследовать Витему. С риском для жизни оба друга забораются на неприступный мыс. Они подозревают, что отсюда подаются сигналы немецкой подводной лодке. Неожиданно к этому мысу подходит катер. На нём два незнакомца. Завязывается перестрелка. При перестрелке один из незнакомцев ранен.

Обоих друзей спасает пришедший на помощь катер и отводит в порт, где грузится в обратный рейс «Мария Глория», в трюм которой Майлсу удалось подложить зажигательные снаряды. На судне в качестве советского представителя поселяется Житков, полагающий, что «Мария Глория»—объект преступных деяний Витемы-Бэра.

5. СОН МИСТЕРА МАЙЛСА

Витема шёл быстро, насколько позволяла ему больная нога. Он миновал город и остановился у последних домов, прислушиваясь к хрусткой черноте зимней ночи. Ничего, кроме одинокого для собаки, уныло брехавшей в темноту, не было слышно. Витема подошёл к одной из покосившихся хибарок и придиричиво оглядел домик. Окна были заколочены крест-накрест горбылями. Так же была задета и дверь. Кроме того на ней виднелись два кружочка сургучных печатей. Крошечный дворик у хибарки был завален невообразимым хламом—выпавшими из-под снега поломанными рёбрами кроватей, спинками стульев, жестью ржавых бидонов. При малейшем прикосновении это загромождение издавало предостерегающий скрежет.

«Юстус устроился правильно»,—подумал Витема и постучал в дверь. В домике продолжала царить тишина, но от Витемы не могло укрыться, что за одним из слепых окошечек показалась чья-то тень и тотчас исчезла. Мейнеш отворил молча, без вопросов. Дверь отошла вместе с досками, с косяком, на котором лежала печать. Витема торопливо прошмыгнул внутрь домика.

— Осторожно,—предупредил Мейнеш,—здесь ход вниз.

— Нельзя сказать, чтобы здесь было слишком уютно,—пробормотал Витема, оглядывая обстановку подвала.

— С уютом я потерплю до конца войны, а сейчас меня больше занимает обеспеченность от советской контрразведки.

— Можешь меня поздравить, Юстус. В других обстоятельствах такой случай заслуживал бы бутылки доброго вина... Найдёнов больше не существует!

— Ты сам?

— Собственноручно. Два заряда из пневматической игрушки. Труп сброшен в гавань.

— Неостроумно.

— То есть?

— Ты позаботился о том, чтобы он не мог всплыть?

— У меня не было ничего тяжёлого под рукой.

— Значит, его выловят.

— Нестрашно.

— Я просто начинаю верить в этих русских молодцов.

Мейнеш вытащил из кармана стёганных брюк цветастый кисет и насыпал в трубку махорки. Когда он закурил, Витема умоляюще воздел руки:

— Это невозможно выдержать без противогаса!

— Ты имеешь дело с грузчиком, Генрих.

Витема досадливо отмахнулся от облака дыма, выпущенного Мейнешем, но вдруг его взгляд остановился на трубке боцмана. Это была маленькая носогрейка с прогоревшим доннышом, заделанным старинной монетой.

— Ты нашёл свою старую трубку, Юстус?—с любопытством спросил он.

Мейнеш поглядел на трубку так, словно видел её в первый раз, и, не отвечая на вопрос, проговорил:

— Можешь считать меня сумасшедшим, Генрих, но, честное слово, я не верю тому, что с ним покончено.

— Ты, действительно, ненормален: два заряда в грудь и головой в воду. Можно после этого остаться живым?

— Ты был так же уверен в том, что с ним покончено там, на Моржомовом, а между тем...

— Я не принял во внимание проворливости русских пограничников.

Штурман спал, накрывшись с головой.

— И всё-таки я предлагаю пари: этот малый воскреснет и будет наступать нам на пятки, как прежде.

— Держать пари на пустяки—глупо. А требовать с тебя большой ставки—людно. Ты наверняка проиграешь. Если тебе уж так загорелось, изволь... А теперь к делу.

Витема принял обсуждать план дальнейшей работы. Перспективы были неважные. Если Житкову и не удастся предотвратить пожар на «Марии», то о дальнейшей работе Майлса не может быть и речи. Самого штурмана придётся убрать, чтобы он не навёл на след Витемы. Работы в Тихой нужно временно свернуть.

Единственным утешением на этом безотрадном горизонте было избавление от Найдёнова.

В то время, когда происходила эта беседа в подполье полуразвалившейся хибарки, в больнице, расположенной в одной из тихих улочек портового городка, два врача с напряжённым вниманием следили за тем, как медленно возвращается сознание к тому, кого санитар принял за покойника,—к Найдёнову. Врачи констатировали глубокий обморок от сильной дозы какого-то одурманивающего вещества.

Найдёнов мог бы объяснить врачам, что однажды в Берлине он уже испытал нечто схожее. Но у него не было ни желания, ни сил разговаривать. Он силится вспомнить, что произошло несколько часов назад. Постепенно, появляясь из липкого тумана беспмятства, одно за другим всплывали обстоятельства происшествия: как он свернул в тёмный проулочек; как внезапно, не успев сделать ни малейшего движения, он почувствовал себя сжатым в чьих-то железных объятиях. Все его кости затрепали. Мозг помутился. На рот ему легла влажная тряпка с каким-то ароматическим веществом. Больше он ничего не помнил...

...Наутро больной рассказал врачам, что, закутившись и почувствовав себя очень плохо, он из последних сил добрался до госпитального крыльца. Напутствуемый укорами старшего врача, прочитавшего лекцию о губельности курения, больной был отпущен домой.

Не прошло и получаса после того, как за Найдёновым захлопнулась дверь больницы, на её крыльце послышалась какая-то весёлая возня и раздавалось несколько залорных звонков. Два подвыпивших бородача по-

явились в приёмной и сразу наполнили её шумом, запахом винного перегара и приторным ароматом дружно дымивших трубок. Один из пришедших что-то быстро и непонятно говорил санитару. Для переговоров с иностранцами была вызвана старшая медсестра, считавшаяся в госпитале полиглоткой. Она тут же установила, что пришедшие — механики с «Бумеранга», что в госпитале лежит их земляк, что они желают видеть этого земляка...

— У нас нет ни одного моряка с «Бумеранга», — сказала сестра.

— К сожалению, он служил не на нашей коробке, а на старушке «Марии Глории». О! Если бы старина Майлс служил на «Бумеранге», мы никогда не позволили бы ему упасть в трюм и проделать себе дыру в боку.

— Рана неопасна, — сказала сестра. — Она скоро заживёт.

— Счастливы случай, — сказал рыжий. — Хорошо, что он упал на бок, а представьте себе, если Майлс встал бы на попа на дне трюма. Вы представляете себе такую картину? Что было бы с его позвонками?

Слушник говорившего рыжего англичанина — коренастый бородач, немаломощно дымивший трубкой и громко сопевший, — толкнул его локтём в бок и хрипло сказал:

— Заткни мельницу, нам пора на коробку.

— Совершенно верно, — спохватился рыжий. — Покажите нам Майлса, и мы уберёмся по-доброму, по-здорову.

Их провели в маленькую уютную палату, где лежал Майлс. Он был один и в момент их прихода сладко спал. Проснувшись от шума, штурман сел в койке, и в глазах его отразился испуг, но прежде чем сестра успела это заметить, друзья Майлса быстро вошли в комнату и без церемоний затворили дверь.

Через несколько минут сестра была привлечена к палате зовом одного из посетителей:

— Вы хотите отправить Майлса на тот свет? Вы всех больных кормите этой дрянью? — рыжий потрясал коробкой свиного фарша. — Нет уж, извините. Этого мы не допустим. Хватит с него этой дряни на корабле, а здесь он большой, кормить его нужно нежной пищей. Да, чорт меня побери, — нежной пищей! Это мы забираем с собой, чтобы у Майлса и искушения не было есть такую пакость.

— Сделайте одолжение, — обиженно сказала сестра. — Кто же знает, что большой таскает за собой запас консервов! Здесь они ему совершенно необходимы.

— Тем лучше: мы их уносим.

Через несколько минут оба англичанина вышли в коридор на цыпочках и, шутовски перемигиваясь, проследовали в приёмную, где их ждала сестра.

— Итак, мы берём это, — повторил рыжий, показывая связанный в узел кучу колбасных консервов. — А Майлс — уже не тот. Ему бы, видно, только спать да спать.

— Хороший сон говорит о выздоровлении.

— Стоило нам занкнуться о том, что мы уходим, как он повернулся рудём к переборке и уже сопит как сурок.

— Он уснул?

— Да ещё как! Итак, будьте здоровы. Когда придёт время забирать Майлса из вашего детского сада, просигналийте на «Бумеранг».

Топоча и припевая, англичане покинули госпиталь.

— Препротивные субъекты! — сказала сестра. — Они непохожи на англий-

ских моряков, бывавших у нас раньше...

Пока всё это происходило в госпитале, Найдёнов, не без труда передвигая ноги, брёл домой. Морозный воздух действовал на него отрезвляюще. Сознание было уже достаточно ясным, чтобы сразу и точно расшифровать ожидавшую его дома радиограмму с «Марии Глории». Смысл её был таков: «Ухо» молчит. Любый ценный дознайся у Майлса о свойствах снаряда.

Найдёнов с трудом поднялся со стула. Нужно было усилие воли, чтобы заставить повиноваться ватные ноги и идти обратно в госпиталь. Однако, обдумав положение, он решил, что в теперешних обстоятельствах он не может ждать, пока не поймает Майлса на месте преступления. Так не попытаться ли добыть его тайну теперь же хитростью, посулами, а если нужно будет, и угрозами?

С этим решением Найдёнов отправился обратно в госпиталь.

На правах старого знакомого он угостил санитаря папиросой и сказал, что забыл в палате записную книжку. Санитар разрешил ему пройти во второй этаж.

Оутившись в коридоре, куда выходили двери индивидуальных палат, Найдёнов быстро огляделся и вместо той палаты, в которой провёл ночь, быстро юркнул в палату Майлса. Он застал штурмана спящим, накрывшись с головой. При появлении Найдёнова штурман не шевельнулся. Найдёнов не долго колебался. Бесшумно выдвинул чемодан и приподнял крышку. Чемодан оказался пустым. Найдёнов так же осторожно задвинул его обратно и огляделся. Его взгляд остановился на одежде Майлса, аккуратно развешенной на стене. Найдёнов быстро ошупал карманы пиджама, брюк, кителя и... невольно оглянулся на спящего. Тот продолжал лежать лицом к стене.

В руке Найдёнова была консервная банка. На вид она ничем не отличалась от других, но, прикинув её на руке, Найдёнов сразу определил, что в банке значительно больше положенных для колбасного фарша двенадцати унций. Банка тут же перекочевала в карман Найдёнова, и он в последний раз прислушался, чтобы исчезнуть, не потревожив спящего. В комнате попрежнему царил прозрачная тишина, в которой отчётливо слышалось падение капель в умывальнике.

Найдёнов машинально перевёл взгляд на край и увидел, что он плотно закрыт и из него не сочится ни единая капля. А между тем падение воды продолжалось, и именно здесь, в этой комнате. Звук шёл из-под койки. Найдёнов нагнулся и невольно отпрянул: кровь капала с матраца и растекалась по полу. Найдёнов отодвинул одеяло и увидел окровавленную пиджаку, залитую кровью постельное бельё. Найдёнов взял руку штурмана. Пульса не было. Майлс был мёртв.

Найдёнов сделал было шаг к двери, но какое-то смутное воспоминание, словно он забыл здесь что-то, заставило его остановиться и в задумчивости потереть лоб. Он силился вспомнить: что держит его здесь? Вспомнив, быстро вернулся к койке убитого, нагнулся и поднял из-под неё трубку — это была старая носопрепка Бурого, переданная ему на хранение Житковым. Найдёнов с удивлением поглядел на неё и, сунув в карман, на цыпочках пошёл прочь.

6. КОРАБЛЬ В ОГНЕ

Через два часа вдогонку «Марии Глории» полетела шифрованная радиограмма: «Ухо» бесполезно. Снаря-

ды бесшумны. Самовозгорание примерно этой ночью. Оболочка — банки консервированной колбасы».

Ничего существенно нового в этой депеше для Житкова не было. Он знал, что снаряд бесшумен — иначе его обнаружило бы и «ухом», — был уверен, что оболочкой снаряда служат консервные банки. Существенным было лишь сообщение о том, что пожар начнётся сегодня ночью.

Экипаж «Марии Глории», благополучно пройдя траверз Моржового, решил, что опасность миновала, и люди вздохнули с облегчением.

Но, значит, на этот раз немцы решили отступить от графика, и действие снаряда было установлено на другой срок. Нужно ли говорить об этом команде?

Житков решил посвятить в дело старого шкипера.

— Вы считаете взрыв неизбежным? — спросил старик.

— Это будет не взрыв, а пожар.

— Пожар можно ликвидировать. Нужно разгрузить трюмы, выкинуть груз за борт.

— Слишком длительная операция. К тому же у меня есть все основания думать, что злоумышленник заложил заряды в начале погрузки. Значит, их нужно искать на дне трюмов или в первом ряду тюков. Наша задача — добраться до этого ряда.

— Как же проникнуть к нему, не разгружая трюмы?

— А вот как...

План Житкова заключался в том, чтобы вынуть нижний ряд тюков, не трогая остального хлопка в трюмах.

По мере изъятия нижних тюков груз подпирался на манер шпика в шахте.

Житков руководил работой в трюме № 3; шкипер взял на себя трюм № 1. Спустившиеся с ними люди работали с ожесточением, и в скором времени Житкову посчастливилось обнаружить две консервные банки. Вынесенные на палубу и вспряхнутые настолько, чтобы повредить в них перегородку, разделяющую кислоты, банки загорелись. Струя огня была из них, как пламя мощной паяльной лампы. Житков продолжал раскопки, и его усилия увенчались дальнейшим успехом: была извлечена ещё одна коробка. Однако он не прекращал поисков: кто мог сказать, сколько ещё коробок было заложено в этом трюме? Житков решил разобрать весь нижний ряд тюков, чтобы быть спокойным за этот трюм.

Вскоре и старый шкипер извлёк свою первую жестянку. Люди его партии продолжали поиски, а сам он с торжеством принёс находку Житкову:

— Дорого дал бы я за то, чтобы узнать, кто это сделал.

— Я удовлетворю ваше любопытство бесплатно, — сказал Житков. — Немец, скрывавшийся под именем Вара, был слишком осторожен, чтобы делать это своими руками. Он нанял... вашего первого офицера.

— Ма... Майлса? — заикаясь, спросил шкипер. — Нет, нет! Английский моряк не мог пойти на это!..

— Он сам себя признал неангличанином и неморяком.

— Не англичанин и не моряк!

Шкипер повернулся и с поникшей головой потащился обратно к трюму, борюча: «На моей «Марии»!.. Англичанин!» Тут он остановился и спросил:

— Сколько времени ещё в нашем распоряжении?

— Не больше часа, сэр.

Шкипер кивнул и исчез на трапе. Через полчаса Житков нашёл пятую банку. Весь нижний ряд тюков был выброшен. Можно было надеять-

ся, что в третьем трюме снарядов больше нет. Житков со своими помощниками перешёл во второй трюм... Времени оставалось так мало, что Житков не надеялся очистить этот трюм. А тут ещё, совсем некстати, ветер резко усилился. Развело волну. «Марии Глории» стало клаясь с борта на борт. Верхние тюки то и дело срывались и грозили завалить шпек, в котором работали моряки. Партия Житкова стала редеть. Никто не хотел быть заживо погребённым под хлопком. Вскоре внизу остались только Житков и перешедший к нему из первого трюма старый шкипер. Они с ожесточением выдирали тюки и крепили их к гаку, на котором груз вытаскивался наверх и майнался за борт. Работа подвигалась медленно. Житков и шкипер выбивались из сил. Шкиперу, наконец, посчастливилось отыскать одну банку. Это был первый снаряд во втором трюме. Старик вынул из шпика со своей находкой, и как раз в это время от сильного крена «Марии Глории» груз пополз поперёк палубы; крепления не выдержали, и Житков оказался заваленным, как при обвале шахты. Он не сразу сообразил, что случилось, но когда понял, — мороз пробежал по его спине. За толстой стеной хлопка не было слышно ни малейших звуков. Могучие удары волн поглощались о железные борты судна. Житков не имел представления о том, что происходит на судне; не знал, приняты ли меры к его освобождению. Сам он был бессилен. Его нора была едва достаточно, чтобы повернуться. Нечего было и думать раздвинуть её стены изнутри. Житков погасил переносный фонарь. Свет был ему больше ненужен. И сразу же, как только воцарилась темнота, всё вокруг наполнилось звуками. Житкову чудилось, что тысяча крыс скребётся вокруг и корпус судна скрипит каждой заклёпкой. Некоторое время Житков ломал себе голову над тем, как связаться с людьми снаружи, но скоро понял, что это невозможно. Оставалось одно: ждать. А между тем часы говорили, что с минуты на минуту следовало ждать возникновения пожара...

Шкипер ясно представлял себе опасность, угрожающую Житкову и судну от оставшихся в трюме снарядов. Он собрал экипаж и рассказал о положении дела.

— Первое, что нужно сделать, — спасти русского, — сказал старик. — Кто идёт вниз со мной?

— Все, кто вам нужен, сэр, — раздалось из рядов команды.

Но один голос перебил:

— Не так поспешно, друзья!.. Нужно решить вопрос, что дороже: судно или русский? Если огонь появится только со стороны трюма, у нас есть средства его погасить: затопить трюм.

— Он прав! — крикнул кто-то. — С затоплением одного трюма наша помпа справится. Прикажете пустить помпу, сэр.

— А русский?

— Ах, да, русский... Остаётся одно: поскорее вывозить русского, и тогда затопить трюм. К трюму, ребята!

Во главе со шкипером люди бросились ко второму трюму. Работа закипела, но в самый разгар её кто-то крикнул:

— Горит хлопок!

Снизу действительно тянуло едким чадом горящего хлопка. Дым сначала не было видно, но скоро его тёмные струйки просочились между тюками.

(Продолжение следует.)

ЗА РУБЕЖОМ

БЕРЛИН В 1944 ГОДУ

Один бомбовый удар за другим обрушиваются за последнее время на Берлин. Швейцарская газета «Арбейтер цейтунг» приводит следующее описание результатов воздушных налётов:

«Берлин неузнаваем. Целые районы города превращены в развалины. Повсюду видны разрушенные дома и заводы. Осведомленные лица утверждают, что 70—80% военных заводов либо разрушены либо сильно повреждены. 50—60% жилых домов Берлина необитаемы. Фактически большая часть берлинских промышленных предприятий сравнена с землёй.

Особенно серьезно пострадали жилые кварталы Берлина. Чтобы убедиться в этом, достаточно спуститься в метро, кишмящее людьми, оставшимися без крова. В большинстве уцелевших домов не действуют водопровод, газ и электричество. Число человеческих жертв чудовищно. Число убитых достигает 300—400 тысяч человек».

«За время моего пребывания в Берлине я пережил около 60 воздушных налётов,—пишет швейцарский корреспондент.—В ноябре мне казалось, что это самые жестокие налёты, какие вообще возможны. Однако самые сильные бомбардировки начались в марте. Члены гитлеровской партии исключали возможность бомбардировки Берлина днём. Когда же дело дошло и до этого, они погрузились в глубокое молчание. Просто ужасно жить в городе, бомбардируемом днём и ночью. Это вызывает колоссальное напряжение нервов. Я часто слышал слова: «Скорее бы кончилось, а там будь что будет».

БЕГСТВО С ГИТЛЕРОВСКОЙ КАТОРГИ

Изнурительный, подневольный труд, издевательства и голод, а также нежелание работать на гитлеровцев побуждают иностранных рабочих к бегству с германских предприятий. Вот что пишет по этому поводу одна швейцарская газета:

«В Германии изо дня в день увеличивается число иностранных рабочих, покидающих место работы или убегающих из барачков. Судя по только что полученной нами и заслуживаю-

Пожары в германском городе после ночного налёта английской авиации.

«Фото-Кейстоу» (Лондон)

щей доверия информации, в одном Берлине имеется много иностранцев, которые, используя дезорганизацию в столице, живут нелегально. Поскольку в последнее время много полицейских чиновников пришлось отправить на Восточный фронт, надзор внутри страны значительно ослаб. В больших городах сравнительно легко спрятаться или переменить адрес. Многие уклоняющиеся от принудительного труда образуют партизанские группы».

«Германские власти,—пишет газета,—отчаянно борются с этими побегам, принимаяющими характер настоящей эпидемии. Каждый иностранный

рабочий, отлучающийся без разрешения с работы, расстреливается на месте».

ФИЛЬМ О ФРАНЦУЗСКИХ ПАРТИЗАНАХ

Недавно в Алжире демонстрировался фильм, заснятый «где-то во Франции». Фильм показывает четыре партизанских лагеря. Два из них помещаются в нескольких бараках в лесу. Партизаны плохо вооружены. Третий лагерь имеет машины: 5 мотоциклов, 2 больших грузовика, маленький грузовичок и легковой

автомобиль. Партизаны вооружены автоматами. Четвёртый лагерь расположен высоко в горах, среди снегов. Отряд имеет один станковый пулемёт, 3 ручных пулемёта, 10 винтовок.

Обращает на себя внимание разнородная экипировка партизан: рядом с кожаной курткой, захваченной в вишнейском «трудовом лагере», можно видеть синие суконные куртки французских скаутов; рядом с солдатскими башмаками—сапоги лётчиков; береты, чёрные шапочки с изображением черепа, фетровые шляпы.

На флаге у лагеря, расположенного в горах, начертан девиз: «Победить или умереть!»

ИЗ ВЕНГЕРСКИХ АНЕКДОТОВ

Действие происходит в одном из маленьких нейтральных государств. С автомобилем венгерского посланника во время его поездки по стране приключилась небольшая авария. Пока идёт ремонт, посланник беседует с группой собравшихся крестьян. Между ним и старым крестьянином происходит следующий диалог:

— Издалека едете?

— Из вашей столицы. Я посланник венгерского королевского правительства.

— Вот как! Как здоровье вашего короля?

— Простите, короля у нас нет. У нас имеется правитель Венгрии адмирал Хорти.

— Адмирал? А большой у вас флот?

— Нет, флота у нас нет... Но это не мешает нам воевать с Советской Россией.

— Ах, так! А почему, собственно, Венгрия воюет с Советским Союзом?

— Из-за Трансильвании.

— Понимаю. Стало быть, Россия захватила у вас Трансильванию?

— Нет, не она. Трансильванию захватила Румыния.

— Ага! Значит, Россия помогла Румынии совершить этот захват?

— Нет. Ведь Румыния-то — союзник Венгрии!..

— Гм... (шопотом стоящему рядом соседу). Беги за фельдшером!

В ДОМИКЕ ЛЕРМОНТОВА

Немцы подходили к Пятигорску. Уже слышался гул недалёкого сражения, и из города эвакуировались ценности.

В Домике-музее Лермонтова шла необычная работа. Сотрудники музея: Елизавета Ивановна Яковкина, Маргарита Фёдоровна Николаева и Наталья Владимировна Копиева — поспешно убрали из комнат экспонаты и, стараясь не шуметь, не обращать на себя внимания, перетаскивали их в бомбоубежище, в подвал.

Домик опустел.

— Но ведь теперь немцы займут его под жильё,— сказала с тревогой Елизавета Ивановна своим сотрудникам. — Они загадят Музей. Как быть? Как уберечь Домик?

Решено было перебраться самим в эти комнаты, заставить их домашней утварью, чтобы немцев не соблазнили покой и уют, ранее царившие здесь.

Заняли первую, вторую, третью, четвёртую комнаты. Женщины в нерешительности остановились перед последней, окна которой выходят в сад. Здесь был кабинет поэта, здесь он создавал свои изумительные произведения, полные гнева и протеста, яркие, звонкие, волнующие. В маленькой светлой комнате стоят кресло и стол, принадлежавшие лично поэту, на стенах висят картины, написанные его рукой.

Святое место. Кто осмелится жить, спать в по-

мещении, в котором творил гений Лермонтова? Почтительно, соблюдая тишину, осматривали советские люди этот исторический памятник, думая о Родине, о великих людях прошлого русской земли.

— Нет, я не посмею,— тихо сказала Елизавета Ивановна.

— Как можно! — откликнулась Маргарита Фёдоровна, и в её голосе слышалось возмущение от одной мысли заселить кабинет поэта.

Они сделали иначе. Чтобы немцы не утащили стола и кресла (их нельзя было спрятать в бомбоубежище), было решено навалить на них как можно больше старых газет, журналов, книг, а самую комнату запереть и сказать, что это кладовая...

Немцы вступили в Пятигорск. В первый же день немецкий офицер, осмотрев этот Домик, написал на дверях по-немецки: «Занято». Потом

приходили другие, заглядывали во все углы, но немедленно уходили: маленькие комнатки производили впечатление запущенных и неухоженных.

Но один гитлеровец всё-таки остался.

— Очистите эту! — приказал он, указав на приёмную.

Во дворе появилась походная кухня; по вечерам в приёмной слышались пьяные голоса, грубые песни, похожие на лай собак.

...Снова к городу приблизился гул сражения. 11 января 1943 года в Пятигорск вступили войска Красной Армии. Домик поэта будто проснулся после долгого тревожного сна, словно воскрес к новой жизни. В течение ночи сотрудники Музея привели в порядок все комнаты, перенесли из бомбоубежища экспонаты, восстановили обстановку.

А на следующий день, с утра, в Музей начали приходить первые посетители. Их было очень много: советские офицеры и бойцы с обветренными, загорелыми лицами, возбуждённые очередной победой — освобождением Пятигорска. Они искренно радовались, что Домик поэта уцелел, что экспонаты, которые так дороги русскому человеку, не разграблены немецкими варварами.

И. Рост.

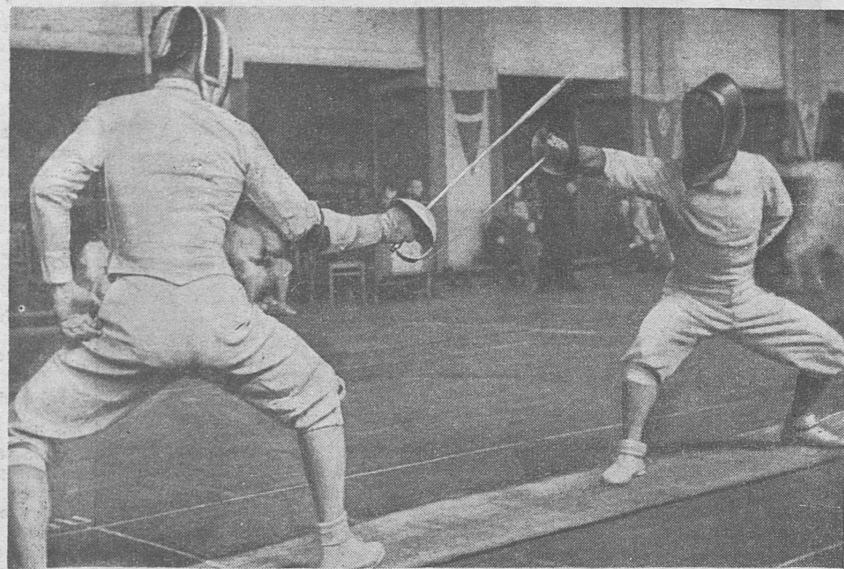
СПОРТ

УЛИЦА ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ

В разгар лета 1927 года, в жаркий июньский день, у памятника Пушкину образовалась большая толпа москвичей, привлечённых необыкновенным событием в центре города. У мраморного пьедестала выстроились в шеренгу двадцать пять спортсменов. Выстрел — и участники первой московской уличной эстафеты ринулись по бульвару, по кольцевой магистрали линии «А». Через 28 минут 15,1 секунды Борис Громов, известный в те годы советский бегун, а впоследствии журналист-челюскинец, появившись на Пушкинской площади, неся победу команде «Пищевиков». Так началась спортивная традиция столичных легкоатлетов возвращать москвичам майской эстафетой по центральным улицам столицы о начале спортивного лета.

За 17 лет эстафета несколько раз меняла маршруты и места стартофинишей. Бегуны пускали с Хохловской набережной, в Александровском саду с финишем на Красной площади, у Чистых прудов, на площади Коммуны, в Парке культуры и отдыха имени Горького и на Садовой улице, у сада «Аквариум». С 1938 года дистанция, разбитая на 30 этапов, стала проходить по трассе «Садового кольца».

К эстафете этого года бегуны столицы готовились давно. Всю зиму три дня в целлюлозно-бумажном заводе физкультуры «Крылья Советов» превращался в шумную легкоатлетическую площадку. В записных книжках тренеров появились первые записи будущего со-

Турнир на приз газеты «Красный спорт» по штыку, рапире и эспадрону. Выступают чемпион СССР В. Вышпольский (слева) и мастер спорта И. Тарасов.

Фото Н. Волкова.

става клубских команд. В майском соревновании на «Садовом кольце» примут участие 12 чемпионов СССР 1943 года.

Наибольшее число побед в эстафете имеет «Спартак» — шесть. По три победы взяли команды «Динамо» и ЦДКА.

* * *

Велосипедные гонщики появились на «Садовом кольце» в 1920 году. Во второй гонке (1922 год) чувство победителя дозволено испытать автору этих строк.

Старт нам дали у Белорусского вокзала. Приятно

было мчаться на стальном «коне» по ровному асфальту Тверской-Ямской улицы. Но когда дорога сворачивала на «кольцо», начинались мучения гонщика. Вся трасса Садовых улиц была покрыта сплошным булыжником. По всему кольцу ходил трамвай, улицы были сжаты палисадниками. На узкой клякстой мостовой велосипедисты прыгали, как ужаленные. Светофоров не было, движение на перекрёстках не регулировалось.

Сейчас велосипедисты мчатся по широким гладким улицам «Садового кольца» с курьерской скоростью.

Велогонка по «Садовому кольцу» была проведена 12

раз. Дважды были победителями динамовцы Н. Денисов и Ф. Тарачков и спартаковец В. Батаев. Рекордная скорость «кольца» за Батаевым. В прошлом году он облетел 15-километровую трассу за 24 минуты 40,8 секунды.

Соревнования по «Садовому кольцу» проводятся на призы московских газет. Бегуны разыгрывают приз «Вечерней Москвы», велосипедисты — спортивный трофей «Московского большевика».

Платон ИПОЛИТОВ, заслуженный мастер спорта СССР

НОВОЕ В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

САХАР СЕВЕРА

В тундре, в тайге, на необозримых просторах русского севера — от Кольского полуострова до суровой Чукотки — простирается зелёный ковёр лишайников. Их южная граница протекает среди сосен, берёз и елей Ярославской и Вологодской областей. Запасы лишайника даже там, где развито оленеводство, неисчерпаемы...

— Попробуйте вот это, — говорит мой собеседник, молодой профессор Андрей Курсанов. Он протягивает большую банку, наполненную густой кремовой массой, и стеклянную палочку. — Это глюкозная патока, приготовленная нами из лишайников. Притом не какой-нибудь подслащённый эрзац, а полноценный питательный продукт. Он не столь сладок, как обычный сахар, но зато превосходит любой пищевой продукт по способности легко и быстро усваиваться нашим организмом.

Новый источник сахаристых веществ был найден в дни войны в лаборатории Полярного ботанического сада. Его открыли два русских учёных — ботаник Николай Дьячков и биохимик Андрей Курсанов. Они проверили на практике простой и доступный способ промышленного получения глюкозной патоки и кристаллической глюкозы из разных видов лишайников. Переработка ведётся в деревянных бочках или чанах, а след за тем в медных и эмалированных тазках. Химики, потребные предприятия, — а оно может быть организовано в самом отдалённом от крупных центров районе, — находятся под рукой. Среди них главную роль играют печная зола, известняк, древесный уголь и слабый раствор серной кислоты.

Из одного килограмма сухих лишайников получается около килограмма густой патоки. Затвердев, она превращается в кусковую глюкозу.

Сбор и хранение лишайников нетрудны. Их срезают граблями в копны и стога. Достаточно одного часа солнечной погоды, чтобы они просохли.

— Северяне, — рассказывает профессор, — узнав о наших экспериментах, очень заинтересовались новым источником сахаристых веществ. Мы получаем много запросов. По нашей технологической схеме был построен небольшой завод. Он принадлежит комбинату «Апатиты» и уже даёт продукцию — первую в мире глюкозу из лишайников.

Г. Блок

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ОГНЕННЫЕ МУХИ

В Средней и Южной Америке встречаются интересные жуки-щелкуны, получившие название «огненных мух». Они большей частью имеют тёмнобурю окраску. На задних краях грудного щита и у основания брюшка находятся выпуклые восково-жёлтые пятна, которые светятся в темноте. Свечение объясняется происходящим процессом окисления.

Иногда эти жуки попадали и в европейские страны с привезённым на кораблях лесом. В 1766 году такой жук очутился в Париже и, летая в одном из предместьев города, наводил на всех ужас. Во второй половине XIX века в Лейдене также поймали подобного жука. Он светился в темноте красивым яркозелёным

светом так сильно, что при этом оригинальном освещении можно было проследить его полёт.

В Порто-Рико ребята ловят жуков и делают из них фонарики: кладут жуков в выдолбленные тыквы с проделанными дырочками, через которые и проходит свет, испускаемый «огненными мухами».

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СНЕГОПАД

В ноябре 1762 года в Венгрии после сильной метели на снегу было замечено громадное количество червей. Подобное же явление произошло в январе 1749 года в Швеции и в феврале 1799 года в прирейнском округе Оффенбах.

Это «чудо» объясняется просто. Черви обычно зиму-

ют под опавшими листьями, у корней деревьев, под камнями. Сильной бурей они были выброшены из своих зимних жилищ и очутились на поверхности снежного поля.

ЛЯГУШКА-БЫК

Родиной этой исполинской лягушки является Северная Америка. Европейские лягушки кажутся крошечными по сравнению с этим великаном. Туловище лягушки-быка достигает иногда длины до 19 сантиметров, а задние ноги — 24 сантиметров. Она обладает чрезвычайно громким голосом и «поёт» без перерыва всю ночь.

Прожорливость лягушки-быка колоссальна. Главной пищей её являются насекомые и улитки, которых она истребляет в громадном

количестве. Она нападает также на цыплят, утят и молодых водяных птиц и съедает их.

«ДЕРЕВЬЯ СТРАННИКОВ»

На острове Мадагаскар растут деревья, которые туземцы называют «деревьями странников». При небольшой (около 4 метров) высоте они имеют необыкновенно толстые стволы. Ветвей нет. Листья, числом всего от 20 до 30, растут прямо на стволе. Они имеют вид трубок и наполнены чистой водой, извлекаемой деревом из почвы. В жарких странах для путешественников «деревья странников» часто являются спасением. При отсутствии воды их листья «водохранилища» утоляют мучительную жажду.

Одновременно с Бакинским полуфиналом XIII все-союзного шахматного первенства (см. «Огонёк» № 12—13) два других полуфинала проходили в Омске и в Москве.

В Омском полуфинале участвовали семь мастеров и столько же кандидатов в шахматные мастера СССР. Турнир закончился победой мастеров Сокольского и Хавина, набравших 8½ очков из 13 возможных. Третье и четвёртое места разделили мастера Болеславский и Толуш — по 8 очков. Далее следовали: Симягин — 7½, Уфимцев — 7, Васильев, Вишневский, Батуев и Сайгин — по 6½, Волошин и Кан — по 5½, Полторанов — 3½, Овечкин — 3.

По условиям турнира из омской группы в финал первенства СССР, который должен начаться 20 мая в Москве, допускаются Сокольский, Хавин и Болеславский, имеющие преимущество перед вставшим с ними наравне Толушем по таблице Бергера.

Весь турнир протекал в острой и напряжённой борьбе, которая говорит о равном составе участников: первых призёров от участника, занявшего двенадцатое место, отделяет интервал всего лишь в три очка!

Обращает на себя внимание неудача мастера Кана,

который являлся участником всех последних первенств СССР.

ПАРТИЯ № 9

Игрена в Бакинском полуфинале.

Испанская

Панов (белые)
1. e2 — e4
2. Kg1 — f3
3. Cf1 — b5
4. Cb5 — a4
5. d2 — d3
6. c2 — c3

Лилиенталь (чёрные)
e7 — e5
Kb8 — c6
a7 — a6
Kg8 — f6
d7 — d6
Cc8 — d7

После того как белые сыграли d3 (а не d2 — d4), в этом ходе нет никакой необходимости.

7. Kb1 — d2 g7 — g6
8. Kd2 — f1

Этот маневр не без успеха несколько раз применялся в партиях Бакинского турнира. Цель его — добиться быстрее перестроения коней, которое обычно проводится лишь после 0—0 и Лf1 — e1

8. ... Cf8 — g7 0—0
9. Kf1 — g3 h7 — h6
10. 0—0 b7 — b5
11. h2 — h3 d7 — d5
12. Ca4 — c2 d6 — d5

Эта попытка немедленно освобождения выглядит здесь весьма сомнительно.

13. Cc1 — e3 Cd7 — e6

Как показывает дальнейшее, этот ход также является лишь потерей времени. Заслуживает внимания размен на e4.

14. d3 — d4! ...

С выгодой для себя вскрывая игру.

14. ... d5 : e4

В партии этого же турнира Панов — Кобленц чёрные сыграли здесь 15. ... ed и

после 16. K : d4, K : d4, 17. C : d4 также получили тяжёлую игру.

15. Kf3 : e5 Fd8 — d5

Продолжение 15. ... K :

e5. 16. de : вело к потере чёрными пешки.

16. Ce3 — f4 Kc6 — a5

Если 16. ... g5, то 17. Kc6,

F : c6, 18. Ce5. Ход в партии имеет своей целью предупредить при случае Cb3.

17. Lf1 — e1 Ce6 — f5

18. f2 — f3! ...

Этот тихий ход взламывает всю систему обороны чёрных и доказывает порочность избранной ими защиты. Разгром чёрных теперь неизбежен.

18. ... e4 : f3

19. Ce2 : f5 g6 : f5

20. Kg3 : f5 Lf8 — e8

21. Cf4 : h6 f3 — f2+

22. Kpg1 : f2 Kf6 — e4+

23. Kpf2 — g1

Выигрывало и 23. Л : e4,

но белые играют на мат.

23. ... Ce7 : e5

24. Fd1 — g4+ Kpg8 — h7

25. Ch6 — g7 f7 — f6

26. Fg4 — h5+ Kph7 — g8

27. Fh5 — g6

Чёрные сдались.

Мастер Панов прекрасно

использовал ошибки своего

противника.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ПОПАСТЬ ВПРОСАК

«Просак» — это промежуток в крутильно-верёвочном станке. Если «в просак» по неосторожности попадала рука, то её скручивало верёвками, и человек мог стать калекой. Впоследствии выражение «попасть впросак», стало означать: очутиться в скверном, неловком, неприятном положении.

ЖИВ КУРИЛКА

В старинной русской игре «курилка» была горящая лучинка, которую играющие, становясь в круг, передавали друг другу с песнями и приговоркой: «Жив, жив курилка!» У кого лучинка тухла, тот выбывал из игры. Другое значение слова «курилка» или «курила» — кутила, гуляка.

ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ

В старинные времена «турусами» назывались большие стенобитные машины, которые употреблялись во время войны при осаде городов. Это были громадные, высокие башни на колесах. Их подвозили прямо к городским стенам. Много невероятного, ложного и преувеличенного рассказывалось о силе «турусов», и жители осаждённых городов очень боялись их. Отсюда

и пошло выражение «турусы на колёсах», то есть разные невероятные выдумки и рассказы, ложные сообщения.

ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ

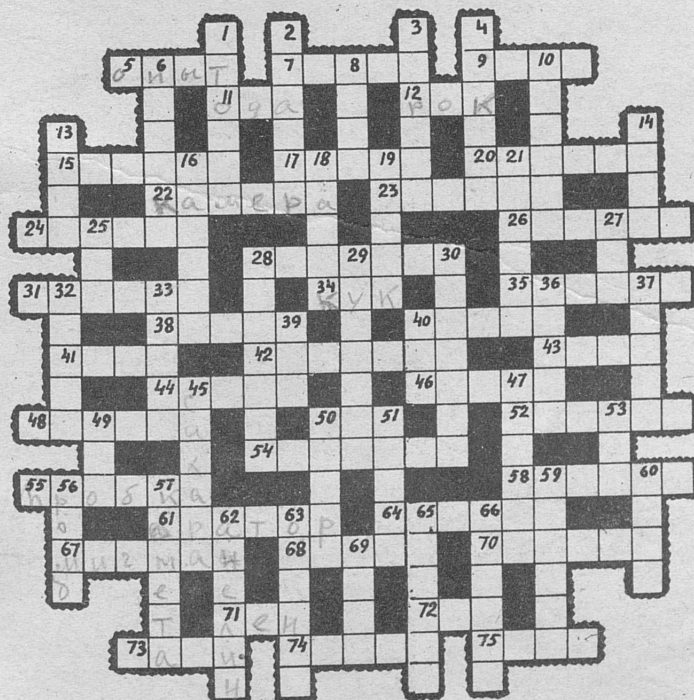
В старину переплёт книг делался не из картона, как теперь, а из двух досок, которые обтягивались кожей или какой-нибудь дорогой тканью и покрывались металлическими чеканными украшениями. Отсюда произошло выражение: «Прочитать книгу от доски до доски», т. е. прочитать её от начала до конца.

КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА

Первые верстовые столбы для определения расстояния на Руси были поставлены на дороге от Москвы до села Коломенского по приказу царя Алексея Михайловича. Расстояние между ними вначале равнялось 700 сажням и составляло тогдашнюю русскую версту. Впоследствии, при Петре I, верста была укорочена до 500 сажней. Таким образом, «коломенская верста» была длиннее «петровской». Отсюда выражение «верста коломенская», обозначающее ненормально высокого человека.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» В. Марцев.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Эксперимент. 7. Исток. 9. Вокальное произведение. 11. Лирические стихи, воспевающие событие или личность. 12. Судьба. 15. Платеж. 17. Шар. 20. Рамка. 22. Помещение для дисциплинарного ареста. 23. Мясной продукт. 24. Парусное судно. 26. Минерал. 28. Род войск. 31. Порода известняка, служащая для штукатурных и архитектурных работ. 34. Английский мореплаватель. 35. Отауик. 38. Лист с изображением местности. 40. Часть здания. 41. Союз из протертых овощей. 42. Музыкальный ансамбль. 43. Грота, хребет. 44. Волость. 46. Место стоянки караванов в пустыне. 48. Поминки. 50. Документ. 52. Названия планеты. 54. Прибор. 55. Кора дуба, применяемая для заготовки сосисок. 58. Поэма Гомера. 61. Человек, обладающий даром красноречия. 64. Древесное топливо. 67. Первый офицерский чин в русском флоте. 68. Волость. 70. Порция. 71. Техническая культура. 72. Часть комнаты. 73. Вид транспорта. 74. Спортивная площадка. 75. Женское имя.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Хозяйственная принадлежность. 2. Город и порт в СССР. 3. Часть здания. 4. Причина, определяющая развитие событий. 6. Кондитерское сырьё. 8. Знак препинания. 10. Особый порт в СССР. 13. Герой одной из лучших легенд. 14. Продукт вулканического извержения. 16. Характер. 18. Денная единица в одной из западноевропейских стран. 19. Деталь машины. 21. Временный мост. 25. Женское имя. 27. Низменность, впадина, балка. 28. Сумка. 29. Машина для стрижки волос. 30. Перерыв. 32. Усилитель звука. 33. Водный покров земного шара; часть этого покрова. 36. Расценка. 37. Винная ягода. 39. Птица. 40. Число. 45. Название пустыни. 47. Правда. 49. Гнез. 50. Сорт яблок. 51. Узкая дорожка. 53. Город в СССР. 56. Геометрическая фигура. 57. Небесное тело. 59. Проводник судов. 60. Часть суток. 62. Маслянистая жидкость, применяемая в производстве лекарств и красок. 63. Остротность. 65. Охват руками груди цветов или растений. 66. Беспорядок. 69. Края подолы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 12—13 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

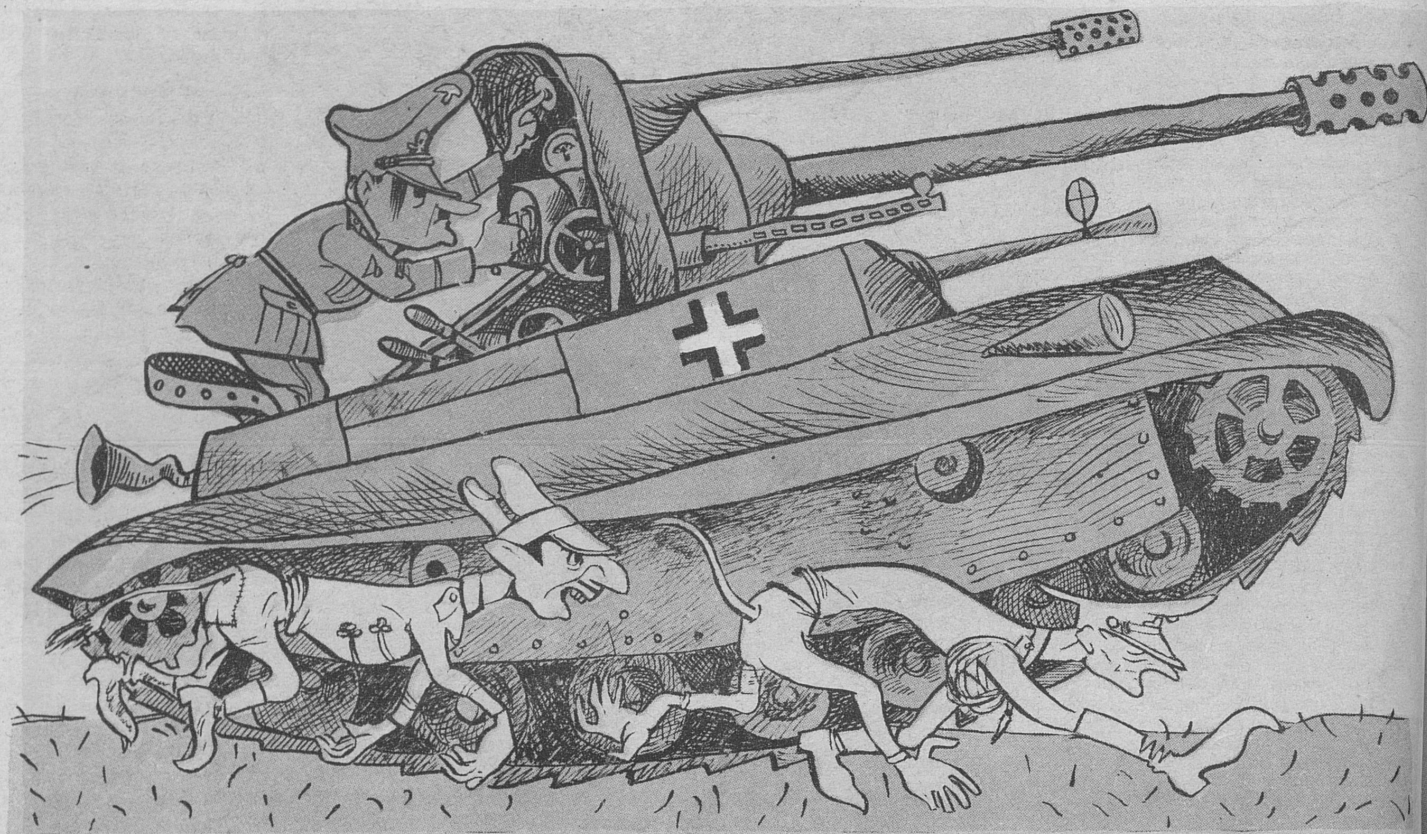
1. Колос. 5. Канат. 9. Собор. 13. Шалун. 16. Право. 17. Ислам. 18. Ответ. 19. Санчо. 20. Перст. 21. Уклад. 22. Ротор. 23. Роман. 24. Азарт. 25. Орава. 26. Тракт. 29. Амвон. 32. Аракс. 35. Фасад. 38. Номер. 39. Аркан. 40. Опапа. 41. Труба. 42. Паста. 46. Отрах. 50. Приам. 54. Омлет. 57. Трапа. 58. Ветна. 59. Индо. 60. Аорта. 61. Манго. 62. Ребус. 63. Отвар. 64. Киста. 65. Салат. 66. Курок. 67. Тайна. 70. Накат. 73. Астри. 76. Аннам. 79. Кобра. 80. Рулет. 81. Авино. 82. Снода. 83. Агале. 87. Занас. 91. Брамс. 95. Смола. 98. Аляна. 99. Руслы. 100. Поэма. 101. Короб. 102. Суфла. 103. Лулло. 104. Пират. 105. Зерно. 106. Дарья. 107. Ребро. 108. Такса. 111. Лоска. 114. Корка. 117. Гидра. 120. Число. 121. Месса. 122. Писан. 123. Драма. 124. Ганги. 128. Тигро. 132. Тарас. 136. Экрап. 139. Кинга. 140. Суело. 141. Парус. 142. Плечо. 143. Вобла. 144. Пенне. 145. Кавур. 146. Тавро. 147. Динго. 148. Стихи. 149. Колба. 150. Торба. 151. Ткань. 152. Завок.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

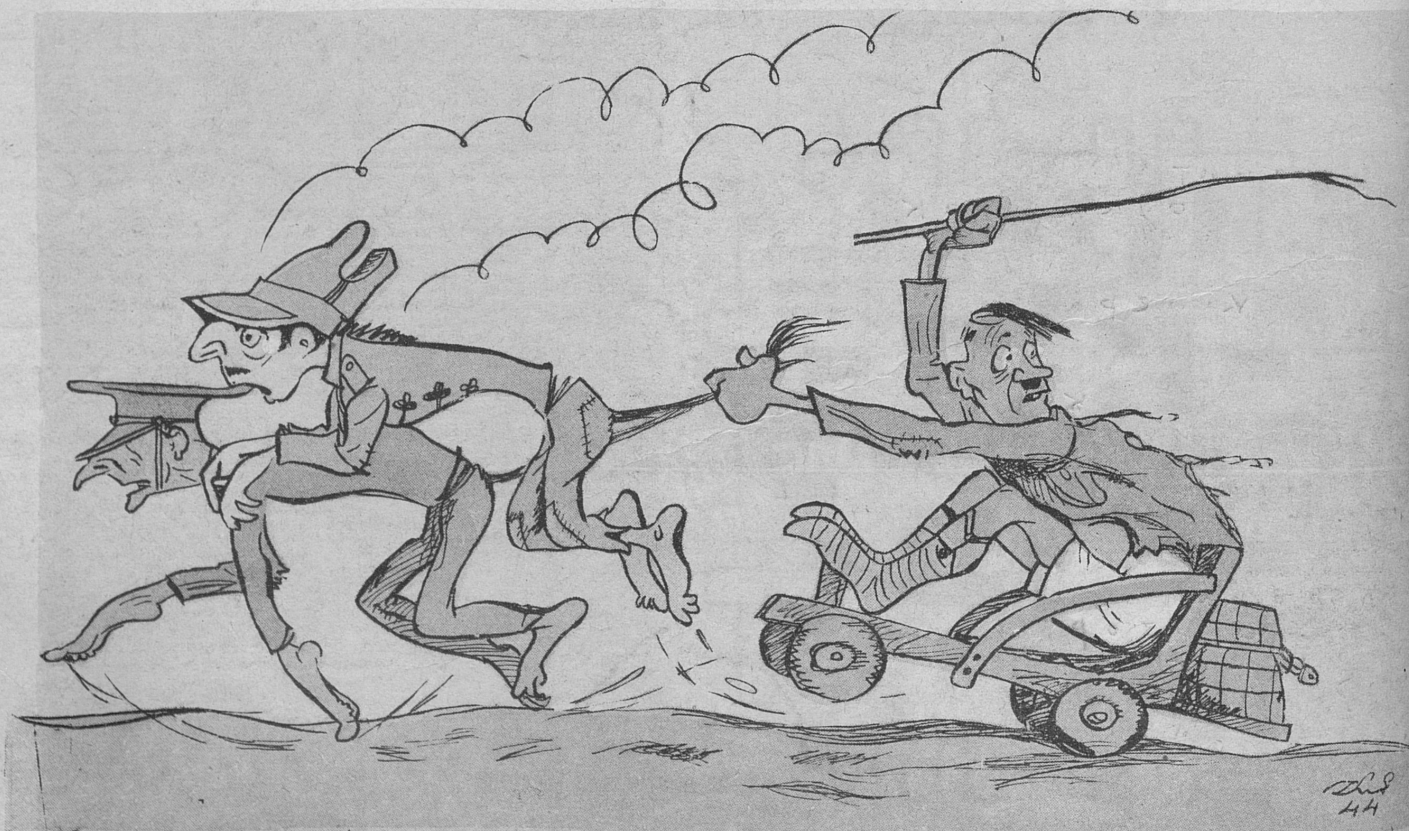
1. Кисет. 2. Лента. 3. Спорт. 4. Кайма. 5. Кошна. 6. Норов. 7. Титан. 8. Аллах. 9. Омута. 10. Белка. 11. Родос. 12. Аврал. 13. Пштраф. 14. Лотос. 15. Нарел. 27. Рвота. 28. Крест. 30. Марат. 31. Опапа. 33. Репер. 34. Карпа. 35. Абрам. 37. Амбре. 42. Паста. 43. Сарай. 44. Алака. 45. Ватоза. 46. Саман. 47. Рынок. 48. Хлост. 49. Сталь. 50. Парта. 51. Пройт. 52. Миска. 53. Одура. 54. Оска. 55. Ливан. 56. Терем. 63. Аборт. 69. Нава. 71. Акула. 73. Афера. 74. Совер. 75. Разум. 77. Нелам. 78. Абдул. 83. Аскет. 84. Парк. 85. Саба. 86. Парги. 87. Завул. 88. Парос. 89. Ореда. 90. Искра. 91. Бодик. 92. Ампир. 93. Спора. 94. Раби. 95. Салот. 96. Обряд. 97. Астри. 109. Афина. 110. Салот. 112. Арепа. 113. Косог. 115. Олифа. 116. Краса. 118. Игрок. 119. Рампа. 124. Гопак. 125. Идеал. 126. Икота. 127. Литва. 128. Тавот. 129. Набор. 130. Осалд. 131. Осица. 132. Топот. 133. Решта. 134. Спесь. 135. Армия. 136. Зекиз. 137. Рынок. 138. Нерон.

ЭТАПЫ ГИТЛЕРОВСКОЙ АВАНТЮРЫ

Туда...

и обратно.

1944 г.
О. АИТ №Н-558/

Рисунок К. Елисеева